

КАРТИНА НАРОЖДАЮЩЕГОСЯ МИРА: БАЗОВЫЕ ЧЕРТЫ И ТЕНДЕНЦИИ

ДОКЛАД

Второе издание, дополненное

2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	4
I. БОЛЬШИЕ ТРЕНДЫ	8
II. СЕКТОРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	24
Глобальная экономика и финансы.....	25
Глобальная политика.....	27
Новый экономический порядок.....	30
Технологии и информация.....	33
Технологии искусственного интеллекта и мир будущего.....	34
III. НЕКОТОРЫЕ СЦЕНАРИИ, ВАРИАНТЫ РАЗВИТИЯ СОБЫТИЙ И «БОЛЬШИЕ СТРАТЕГИИ»	38
1. Внутренняя трансформация Запада. США: три сценария.....	39
2. Экономическое будущее Америки: ситуация 70-х повторяется, но с неопределенным исходом.....	45
3. Двойное сдерживание: «ловушка Фукидида».....	47
4. Военные стратегии и «битва Левиафанов».....	50
5. Ближний Восток: it is a conventional war of attrition, stupid!.....	52
6. США и Запад перед лицом множественных кризисов: Украина, Ближний Восток etc.....	57
7. Геополитическая реальность: биполярность 2.0?.....	61
8. Будущее ООН: up for grabs?.....	63
9. Постукраинское будущее Европы: постлиберализм и популизм.....	66
10. Постсоветское пространство: «спойлерство» Запада.....	71
11. Азиатско-Тихоокеанский регион: солнце встаёт на Востоке.....	72
12. Будущий миропорядок: вперед к исторической норме через тернии антиутопий?.....	74

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемом анализе использовался обширный массив российских материалов и исследований, включая Доклад Валдайского клуба «Аттестат зрелости, или Порядок, какого еще не было» (октябрь 2023 г.), статьи и мнения ряда ведущих российских и западных экспертов. Разумеется, в докладе широко отражена политическая мысль стран БРИКС и других стран Мирового большинства/Глобального Юга.

В силу значимости фактора состояния Запада и его общества для прогнозирования эволюции геополитической ситуации и формирования нового миропорядка авторы полагались на соображения таких авторов, как британский философ Джон Грей (его книга «Новые Левиафаны. Мысли после либерализма», 2023 г.) и французский философ-постмодернист Жан Бодрийяр (сборник его эссе «Прозрачность зла», 1990 г.), ряд предвидений которого (например, о воссоздании «человеческого пространства войны» в условиях наличия ядерного оружия и о переходе гонки вооружений в формат «технологического маньеризма») вполне оправдались в наши дни. Не менее важны прозрения Кристофера Лэша («американская элита отделилась от американской нации и эмигрировала в отдельную от страны реальность») и Эммануэля Тодда, который в своем «Поражении Запада» пишет о США как о «нигилистической империи».

В числе источников книга А.В.Яковенко «Геополитический перелом и Россия» (2023 г.), где дан аргументированный нарратив текущей геополитической ситуации, включая её истоки.

Второе издание доклада, дополненное по состоянию на май 2024 г.

К работе привлекался коллектив Института актуальных международных проблем Дипакадемии МИД России.

ВВЕДЕНИЕ

Текущий всеобъемлющий кризис мироустройства, или скорее революция, обусловлен различиями в ожиданиях «нового миропорядка» между Западом и незападным миром после окончания Холодной войны, распада Советского Союза и роспуска Организации Варшавского договора. В то время, как повсюду в мире ожидали нового начала в международных отношениях на деидеологизированной основе «вестфальских» принципов Устава ООН, Запад при лидирующей роли Вашингтона сделал выбор в пользу инерционной политики, предполагая «автоматическое» распространение сферы своего доминирования на весь остальной мир как естественного следствия своей «победы в Холодной войне». Организация Североатлантического договора не была распущена и в Европе не была создана общерегиональная, инклюзивная система коллективной безопасности по смыслу Главы VIII Устава ООН, которой континент не знал на протяжении полутора веков. Не состоялось послевоенного урегулирования, как это бывало после любой «большой войны» в Европе, хотя западные столицы с некоторых пор на него ссылаются, косвенно признавая его необходимость.

В 1994 году США было принято решение о расширении НАТО на Восток, которое Джордж Кеннан тут же охарактеризовал как «самое роковое за весь период после окончания Холодной войны». В итоге, было положено начало новому этапу конфронтации между Западом и Россией, которая послужила катализатором разрушения послевоенного международного правопорядка с центральной ролью ООН, запустив процесс того, что можно назвать новой Тридцатилетней войной в Европе (на этот раз - в Евро-Атлантике). Как и совокупность двух мировых войн и межвоенного периода, она отсылает к Религиозным войнам, черту под которыми подвел Вестфальский мир 1648 года – вывел религиозные (идейные и ценностные) разногласия за рамки межгосударственных отношений.

Спровоцированный США Украинский кризис, включая проведение Россией СВО на Украине с целью ее демилитаризации и денацификации, обозначает эндшпиль этого тридцатилетнего конфликта. Отказ Запада от радикальной трансформации миропорядка на коллективно согласованных принципах загонял болезнь вглубь, обещая резкое и не без потрясений течение данного процесса, отвечающего императивам мирового развития, топтавшегося на месте, если не пошедшего «в минус». Особенно если учесть новое качество общих вызовов и угроз нашего времени, которые требуют коллективных усилий всего мирового сообщества, что невозможно, как показывает опыт, без преодоления старой повестки дня мировой политики, ее инстинктов и идеологических предрассудков.

Генри Киссинджер в своей книге 2022 года «Лидерство», ссылаясь на опыт «трансформационной дипломатии» Р.Никсона, установившего дипотношения с КНР, пишет, что тот тем самым «ввел многополярность в глобальную систему». На его взгляд, сейчас Америка сталкивается с тем, что унаследовал Никсон от своих предшественников, имея в виду Войну во Вьетнаме. И в основе нынешнего кризиса американской дипломатии лежит, прежде всего, то, что наследие Никсона не стало «надежной школой американской внешней политики, что предполагало бы переформатирование не только стратегии, но и мышления». В числе прочего речь должна была бы идти о «согласованных рамках законности как наиболее прочной основы мира» и на этом фундаменте - о «глобальном равновесии/балансе сил».

США же через запущенный в оборот тезис о некоем «порядке, основанном на правилах» фактически отрицают и разрушают послевоенный миропорядок, основанный на коллективно согласованных, универсальных, то есть обязательных для всех международно-правовых инструментах, прежде всего Уставе ООН. От отрицания международного права один шаг до отрицания права вообще, включая основу англосаксонского рыночного капитализма - право на неприкосновенность частной собственности. И этот шаг США и их союзники делают, подрывая одно из фундаментальных

оснований своего конституционного порядка, что говорит о наличии системного кризиса западного общества - еще одно измерение текущей глобальной трансформации, которое отсылает к его предшествующему кризису, нашедшему разрешение в событиях 1914-1945 гг. Как и тогда, все сопровождается кризисом либерализма и самой либеральной идеи, эволюционирующей в направлении тоталитаризма, покушения не только на свободу слова, но и свободу мысли.

Россия, в свою очередь, всегда последовательно выступала в защиту международной законности, будь то попытки предотвратить Первую мировую войну посредством созыва Гаагских конференций мира 1899 и 1907 гг. или усилия по созданию Восточного пакта во второй половине 30-х гг. с целью гарантирования границ восточных соседей Германии, что могло бы предотвратить новую Германскую агрессию и Вторую мировую. Еще Александр Горчаков в своей знаменитой («Россия не сердится. Россия сосредоточивается») циркулярной депеше от 2 сентября 1856 года писал: «мы высказывались во всех случаях, когда считали необходимым выступить в поддержку права». И что не менее уместно, в его депеше от 31 октября 1870 года мы находим: «Е. и. в-во убежден в том, что это спокойствие и это равновесие приобретут еще новое ручательство, когда будут опираться на основаниях более справедливых и прочных, чем при том положении, которого не может принять за естественное условие своего существования ни одна великая держава».

Таким образом, мы сталкиваемся с двумя прямо противоположными исторически обусловленными подходами к созданию нового миропорядка. Эти фундаментальные различия, которых можно было избежать, поведи себя западные элиты иначе с окончанием Холодной войны, задали геополитическую динамику последних 30 лет и привели к нынешнему конфликту. Они обрели материальное обличье в давлении на Россию - военно-политическом, санкционном, на уровне идентичности и истории, включая «отмену» русской культуры, и информационно-пропагандистском, но также в

противодействию ему с российской стороны. В фокусе этого противоборства и стоящих за ним идей о содержании современных международных отношений оказались все тренды мировой политики и мирового развития, о которых идет речь в предлагаемом докладе.

I. БОЛЬШИЕ ТРЕНДЫ

1. Динамика событий на мировой арене сегодня характеризуется продолжающейся поляризацией и распадом ткани международного сотрудничества. Соответствующие процессы инициированы западными странами в рамках ведения гибридной (в том числе тотальной санкционной и экономической) войны против России, развязанной явно без трезвой оценки ситуации и перспектив ее исхода. Курс на нанесение Москве «стратегического поражения» уже привел к разрыву логистических цепочек, деградации глобализационных процессов и трансформации «соперничества великих держав» в полноценную «холодную войну», с рисками ядерной эскалации и прямого вооруженного конфликта между Россией и НАТО.

Ситуация осложняется зависимостью позиции западных элит от внутрисполитической турбулентности как в США, так и в Европе, на фоне обострения социально-экономических проблем. Используя Украинский кризис как средство решения предвыборных задач и сплочения союзников, администрация Байдена и ориентирующиеся на нее силы сделали ставку на истощение военного и экономического потенциала России и рассматривают происходящее как средство для реставрации однополярного миропорядка в формате глобализации, и сохранения своего глобального доминирования, непосредственная угроза которому исходит от суверенной и независимой политики России. Причем на этот раз России брошен не только традиционный военно-политический вызов, но и создается угроза цивилизационного порядка – на уровне идентичности и истории, что предопределяет экзистенциальный характер нынешнего конфликта (что применительно к Западу признал президент Франции Э.Макрон).

2. С подачи Запада практически утратили свою актуальность попытки формирования глобальной повестки дня. Можно сказать, что она рухнула. Отказ от взаимодействия с Россией по ключевым вопросам, таким как контроль над вооружениями и ядерное нераспространение, недопущение милитаризации космоса и киберпространства, противодействие глобальному

потеплению, борьба с бедностью и неравенством, поддержание продовольственной безопасности и многие другие, сказался на эффективности международного сотрудничества в деле поиска коллективных ответов на новые вызовы и угрозу, как минимум, он осложнился. Фактически исчезли даже предпосылки для формирования единых подходов. Пока же Запад сделал крупный шаг к своей самоизоляции от всего незападного мира, положив начало самоорганизации Мирового большинства, в том числе в составе России, Китая и Индии, в качестве альтернативного полюса мирового развития, и в формате таких площадок, как БРИКС, ШОС и ДН/Группа 77, которые способны лечь в основу новой, инклюзивной и эффективной системы миропорядка. Пока же налицо новая, переходная биполярность: Запад против всего остального мира.

3. Стремительно деградируют системы региональной безопасности, в частности в Европе и Азии. Сложившаяся архитектура Европейской безопасности вследствие ее натоцентричности и отказа Запада от компромиссов с Москвой практически перестала существовать с обострением Украинского кризиса. Все замороженные конфликты, в диапазоне от Кипра и Косово до Ближневосточного урегулирования, оказались перед угрозой полномасштабной реактивации, тогда как международное сообщество лишилось инструментов, и без того недостаточно эффективных, для сохранения контроля над ситуацией. В Азии осуществляемое Вашингтоном формирование сети антикитайских альянсов создает перспективы для начала полноценной гонки вооружений и нарастания искусственно спровоцированной конфронтации между региональными державами.

В пользу этого говорит и нынешнее обострение Ближневосточного конфликта, ставшее следствием монополизации США арабо-израильского и палестинского урегулирования, стремления Вашингтона отказаться от самого принципа двугосударственного решения проблемы Палестины. Эта ситуация, грозящая перейти в полномасштабный региональный конфликт с вовлечением в него внерегиональных участников, свидетельствует об опасности

затягивания решения или замораживания тлеющих конфликтов, к числу которых надо отнести и внутренний гражданский конфликт на востоке Украины, который вполне мог быть урегулирован на основе общепризнанных норм и принципов, заложенных в Минские соглашения 2015 года, которые были одобрены Советом Безопасности ООН. Как бы ни развивался кризис на Ближнем Востоке, он уже работает на дальнейшее закрепление тенденции раздельного существования Запада и Мирового большинства, которое обретает внятное культурно-цивилизационное измерение.

Растущая поляризация и блоковость в международных делах нанесли удар по существованию единого информационного и экономического пространства. Наблюдается стремительная компартиментализация Интернета. На фоне распада основ Бреттон-Вудской системы есть запрос на региональные торгово-экономические союзы. На фоне очевидного цивилизационного раскола свою неэффективность показали инструменты «мягкой силы» Запада, рискнувшего с катастрофическими последствиями для себя использовать взаимозависимость как оружие. Как следствие наблюдается дестабилизация и распад глобального мира на региональные кластеры или макрорегионы, которые служат материалом для выстраивания нового миропорядка на полицентричной основе, отражающей культурно-цивилизационное многообразие мира (включая Россию как государство-цивилизацию), которое подавлялось западным доминированием на протяжении веков.

4. Все это говорит о том, что мир вновь переживает переломный момент своего развития, исход которого предопределит в том числе горизонты международных отношений и параметры глобального управления к рубежу 2030 года, и, скорее всего, процессы мирового переустройства затянутся еще на 5–10 лет. Ближайшие годы станут периодом переосмысления концептуальных подходов всех международных акторов к тому, какой должна быть система международных отношений, отвечающая требованиям времени. Нет сомнений в том, что западная гегемония износилась и завела мир в тупик,

стала равной самой себе и более не служит поставщиком международных «общественных благ».

Парадигма дальнейшего развития складывающейся на наших глазах системы будет сформулирована во многом в зависимости от результатов СВО на Украине. Будучи разыгрываем в ограниченном территорией Украины гибридном формате, этот конфликт, по существу, будет иметь последствия мировой войны ввиду плотной вовлеченности в него коллективного Запада (в том числе НАТО и Евросоюза) и России. После СВО мир уже не сможет быть прежним. Исход этого конфликта как эндшпиль восьмивекового «выяснения отношений» между Западным миром и Россией послужит мощным катализатором формирования многополярного порядка, который обеспечит пространство субъектности для всех государств и народов. В перспективе произойдет распад исторического Запада в его геополитической конфигурации, сложившейся после Второй мировой войны, с реинтеграцией всех трех его составных частей в свои соответствующие региональные расклады – Северную Америку, Евразию и Восточную Азию/АТР.

5. По всей видимости, продолжится болезненное расставание США с ролью лидера, сопровождающееся нарастанием внутренней турбулентности в стране. Очевидно, что сплочение западных политических сил перед лицом искусственно навязанной им «российской угрозы» является временным. Многочисленные внутренние конфликты и в Соединенных Штатах, и в Европе перешли в латентный режим, но будут требовать своего разрешения, поскольку речь идет о комплексном кризисе западного общества, сопоставимом с Великой депрессией 30-х гг. Выход из промежуточного кризиса конца 70-х был найден на путях перехода к неолиберальной экономической политике (рейганомика-тэтчеризм) и глобализации, подвергнувших «ползучей» ревизии послевоенный «общественный договор» в западных странах. Преодолению кризиса способствовал и переход США к политике разрядки.

Запад оказался не готов к затяжному конфликту на Украине, тогда как план «гибридного блицкрига» в отношении России провалился. Пока наблюдается стремление Вашингтона завершить конфликт на Украине в 2024 или 2025 гг. переговорным урегулированием на своих и не приемлемых для России условиях: прекращение огня, сохранение нынешней Украины с нынешним режимом и идеологией в территориально урезанном виде с возможностью продолжения ее милитаризации Западом (но без формального членства в НАТО) при отказе от признания наших новых границ и, соответственно, дискриминации лиц, проживающих в новых российских регионах; санкционный режим предполагают сохранять до окончательного урегулирования при некоторых послаблениях.

Механизмом такого урегулирования, которое предполагалось навязать России с позиции силы, исходя из прогноза об успехе контрнаступления ВСУ и нанесении России «поражения на поле боя» летом-осенью 2023 года, избран многосторонний формат, берущий за основу «формулу мира» Зеленского. По утверждению авторитетного журналиста С.Хёрша, уже летом на состоявшейся в Саудовской Аравии многосторонней встрече с участием советника президента Дж.Байдена по национальной безопасности Дж.Салливана, предполагалось устроить России «Версаль» - по образцу урегулирования с Германией по итогам Первой мировой войны, но разрекламированное контрнаступление забуксовало. Очевидно, что такой процесс в обход СБ ООН не имеет никаких перспектив и является мертворожденным, будучи основан на изначально ложных посылах (тем не менее, он продолжается без приглашения России: на середину июня 2024 года запланирована очередная многосторонняя встреча в Швейцарии). Москва не раз заявляла, что не примет никаких ультиматумов, как и посредничества Берна, отказавшегося от позиции нейтральной стороны в Украинском вопросе. Понятно, что речь должна идти о прямом и полноценном, с заключением мирного договора, урегулировании с Киевом с должным учетом сложившейся реальности, включая ситуацию на линии соприкосновения.

Россия тем более не намерена отказываться от заявленных целей СВО, что Киев под давлением англосаксов вышел из переговорного процесса в апреле 2022 года (на что имеются публичные свидетельства, включая заявление лидера фракции правящей партии Слуга народа Д.Арахамии). Тем самым украинские власти и Вашингтон с Лондоном несут всю полноту ответственности за последовавшие два года кровопролития, что дает российской стороне право ставить вопрос о компенсации понесенных ею расходов на освобождение силой оружия своей конституционно закрепленной территории. Внешнюю среду прочного урегулирования на Украине должно обеспечить переустройство всей системы европейской безопасности, натоцентричность которой и генерировала Украинский кризис, на принципах неделимости и равной для всех безопасности. То есть должно состояться договорное урегулирование по итогам Холодной войны, а теперь и последовавшего развития событий, которое вполне тянет на очередную Тридцатилетнюю войну в Европе.

Западная политика перевооружения и нацификации Украины как средство решения «Русского вопроса» отсылает к политике умиротворения Парижем, Лондоном и Вашингтоном Германии после прихода к власти нацистов - под перспективу ее агрессии в Восточном направлении, то есть против СССР. Этот откат Запада к политике межвоенного периода с преобладанием в Центральной и Восточной Европе фашистских и иных агрессивных-националистических режимов прямо противостоит заявленным «европейским ценностям», закрепленным в Копенгагенских критериях членства в ЕС 1993 года и Декларации о европейской идентичности 1973 года, которым вполне отвечали четырехсторонние Минские соглашения 2015 года. Таким образом, Запад, демонстрируя двойные стандарты, действовал вопреки собственным принципам, в русле которых, по существу, лежал опыт межнациональных отношений в Советском Союзе. Фундаментальным противоречием, угрожающим государственности современной Украины, стал антагонизм между ее советскими границами и несоветской властью, вставшей

на путь насильственной украинизации и рассматривавшей в качестве способа своего существования статус «прифронтового государства», позволяющий извлекать своего рода геополитическую ренту из перманентной конфронтации между Западом и Россией. Это позволяет судить об Украине как о несостоявшемся государстве (failed state).

Важнейшее развитие - впечатляющий исход мартовских выборов в России, которые фактически предоставили Президенту В.В.Путину мандат на достижение целей СВО, в то время как в мае истекает срок легитимности нынешней власти на Украине. Одновременно, по итогам двух лет СВО заявила о себе консолидация российского общества на основе исторической преемственности в развитии страны и идентичности, укорененной в истории, традициях и душевном складе российского народа. Запущен процесс «национализации» элит, включая бизнес и интеллигенцию, а также системы образования, причем без элементов принуждения со стороны государства: прозападные элементы покинули страну, будь то по собственному выбору или в ответ на соответствующие призывы западных столиц. Не без решающей роли западного санкционного давления, откровенной враждебности Запада и его саморазоблачения, включая стремление «отменить» Русскую культуру и сам русский язык, Россия обрела внятные идейные и иные ориентиры своего развития, порвав с тупиковой 300-летней традицией европо-/западноцентризма, общей для дореволюционных правительств и советской власти. В марте 2024 года журнал «Экономист» (номер за неделю 16-22 марта) констатировал нормализацию и возвращение российской экономики на прежнюю траекторию развития (back on track), вопреки и несмотря на западные санкции, притом что экономика стран ЕС переживает серьезные потрясения с трудно предсказуемым исходом, а американская находится в хрупком состоянии с перспективой различного, но этатистского по существу вмешательства со стороны обеих политических партий.

Главный мотив такого подхода – неспособность США и их европейских союзников вести «войну на два фронта», притом что именно Китай

рассматривается как долгосрочный вызов западной гегемонии. Соответственно, и общая конструкция геополитического миропорядка, создававшаяся Вашингтоном после окончания Холодной войны и переживающая системный кризис, вряд ли может быть реанимирована. Присущая ей блоковость политического мышления способна привести лишь к масштабному конфликту глобального характера, чего основные акторы, включая США и коллективный Запад в целом, будут стремиться всемерно избегать. Это связано с интересами бизнеса, которому нужны стабильность и предсказуемость. Более правдоподобной представляется альтернатива более-менее системного консенсуса, отвечающего потребностям и подходам различных центров силы в Евразии, Африке и Латинской Америке, как это произошло на фоне распада колониальных империй в первой половине XX века. В целом ситуация в треугольнике Россия – США – Китай, очевидно, будет в преимущественной степени влиять на будущую мировую конфигурацию, побуждать США к принятию многополярности как «новой нормальности». Курс США по одновременному сдерживанию России и Китая на деле способствует перераспределению экономической мощи и влияния в Западном альянсе в пользу США.

6. Усиление роли фактора военной силы в мировой политике при видимой неготовности Запада к прямому конфликту с Россией и Китаем обуславливает неопределенность перспектив сохранения глобальной и региональной стабильности в предстоящие 10-15 лет. Многое будет зависеть и от темпов смены поколения западных элит, сформировавшегося в тепличных условиях «однополярного момента» последних 30 лет под присмотром США.

7. Можно прогнозировать эрозии системы Европейского союза, объединяющего наиболее последовательных союзников США, которые продолжают утрачивать свою субъектность и, несмотря на явные политические и экономические издержки для себя, скатываются на позиции беспрекословного подчинения курсу Вашингтона, использующего европейский бизнес, включая германский, для реиндустриализации Америки

и укрепления англосаксонской оси Вашингтон-Лондон-Канберра. Такая ситуация, объективно, таит в себе, на перспективу, и возможности усиления центробежных тенденций в ЕС, и усиления потенциала для принятия западноевропейскими странами защитных мер для обеспечения национальных интересов. Текущая геополитическая нуллификация ЕС не дает оснований ожидать «стратегической автономии» и «европейской оборонной идентичности» в обозримом будущем: скорее всего, время для таких проектов безвозвратно упущено, и в новой реальности они не будут востребованы.

8. Очевидным представляется дальнейшее нарастание процессов деглобализации. Все большее значение для государств, претендующих на роль региональных лидеров, приобретают факторы достижения экономического, производственного, научного, технологического и валютно-финансового суверенитета. Наряду с этим центр тяжести внешнеполитической активности неизбежно будет смещаться в сторону Мирового большинства – регионов Азии, Евразии, Африки и Латинской Америки.

9. В условиях деглобализации и регионализации международных отношений начинается активное формирование макрорегионов (больших пространств, надрегионов), которые будут иметь, в зависимости от своей предметной основы (вопросы политического или финансово-экономического характера, вопросы безопасности и продовольственного обеспечения и т.д.), различный состав стран.

В силу активного развития в эпоху бурной глобализации информационных технологий и разветвлённых логистических связей последних десятилетий макрорегионы будут носить преимущественно надрегиональный характер (выйдя за традиционный формат географического соседства и классического регионализма). На перспективу ближайших 10-15 лет двумя крупнейшими, оформляющимися в настоящее время макрорегионами станут, вероятнее всего, два макрорегиональных блока – страны Запада и государства Мирового большинства.

Будущие международные институты и организации будут фиксировать и территориально охватывать границы новых макрорегионов, учитывая предметную специфику межгосударственного взаимодействия в рамках соответствующего макрорегиона. В экономическом отношении минимальной демографической основой для формирующихся макрорегионов станут пространства, чья численность составит не менее 600 миллионов человек, что будет являться достаточным минимумом для развития рынка соответствующего макрорегиона.

10. Созданный в послевоенный период международный правопорядок с центральной ролью ООН и универсальными международно-правовыми инструментами фактически приостановил свое действие в условиях системной конфронтации между Западом и Россией. Это относится прежде всего к поддержанию мира и безопасности. К тому же, основные многосторонние договоры и соглашения, направленные на предотвращение ядерных испытаний, поддержание ядерного паритета, ограничение вооружений и опасной военной деятельности, практически прекратили свое действие вследствие выхода из них в одностороннем порядке США или приостановки действия в ответ на это с российской стороны.

При этом со стороны государств Мирового большинства, прежде всего развивающихся стран, растет запрос на инклюзивность сложившейся архитектуры глобального управления. Налицо также наличие политической воли со стороны этих стран реализовать в своей внешней политике и мировых делах свою культурно-историческую идентичность. Указанные тренды уже признаются деятелями администрации Дж.Байдена. Вопрос в том, насколько далеко Вашингтон может пойти в адаптации контролируемых им институтов к указанным императивам. Не исключено, что этого будет мало и поздно. В силу этого также нельзя исключать того, что трансформация, обновление или переустройство системы ООН на подлинно инклюзивной основе не обойдется без институциональных потрясений.

11. Начавшийся с 1971 года процесс трансформации и реформирования валютно-финансовой системы, заложенной в Бреттон-Вудсе на долларовой основе, последовательно и ускоренными темпами движется в направлении снижения международной роли доллара и других западных валют. Использование доллара как оружия подрывает саму легитимность этой системы. Одновременно обозначились реальные перспективы формирования многоэлементной системы региональных валют, используемых в международных платежах, прежде всего в регионах.

12. Все более рельефную заявку на превращение в мощный экономический центр силы делают интеграционные объединения государств, преимущественно расположенные в евразийской зоне – БРИКС, ШОС, ЕАЭС, АСЕАН. Основа для реализации концепции Большого евразийского партнерства будет неизбежно укрепляться за счет разрушения – институционального и иного – западного контроля в этом регионе.

Среди определяющих тенденций – продолжение перемещения фокуса глобальной политической и экономической активности в Азиатско-Тихоокеанский регион. Совокупность геополитических процессов в АТР и особенностей региональной специфики выделяет его в качестве перспективной площадки перехода к новой архитектуре региональной безопасности, адекватной изменившимся реалиям. Так, принципиально важно, что в Азии прочно укоренилась традиция поиска развязок возникающих проблем на инклюзивной и консенсусной основе, в рамках довольно уникальной системы «сдержек и противовесов», без использования «чужих», заимствованных извне внешних моделей, а интеграция здесь, в отличие от Европы, не сопровождается изначальным геополитическим соперничеством (несмотря на различия моделей развития и пока вопреки попыткам «сломать» извне специфическую «азиатскую парадигму» межгосударственных отношений).

Только в этом регионе мира могли возникнуть прогнозы и проекты, подобные «Великой конвергенции» Кишора Махбубани (Сингапур). Здесь

четко преобладает настрой на позитивную многосторонность, международное право и центральную роль ООН, многовекторную дипломатию, прагматизм и деидеологизированность. Как наследие Движения неприсоединения в нынешней ситуации вновь «заиграла» тема мирного сосуществования. Таковы по своей заряженности внешнеполитические идеологемы Китая («Сообщество единой судьбы человечества»), многовекторные, с разнообразной геометрией стратегии Индии («Действуй на Востоке» и «Действуй на Западе»), а также «реформированная многосторонность» в отношении ООН, ВОЗ, ВТО, МВФ/ВБ). Этим принципам отвечает деятельность таких форматов, как БРИКС, ШОС и Группа двадцати. С разной степенью определенности страны региона, если они – не военно-политические союзники США, противостоят западным стратегиям, включая санкционные, политизацию вопросов развития и приоритет вопросов безопасности в ее традиционном прочтении над вопросами развития и новыми вызовами и угрозами, общими для всего человечества.

В АТР достаточно трезвых сил, придерживающихся системы взглядов, согласно которой навязывание извне искусственных формул «порядка», ведущего к расколу региональной жизни, категорически неприемлемо. Поэтому один из сценариев экстраполяции такой тенденции – здоровая консолидация этих сил, в частности, в континентальной части Азии, где более продвинуты интеграционные процессы, где заметно меньше потенциальных «цепочек союзников» Вашингтона (по сравнению с «тихоокеанской» частью АТР), наконец, где Россия и Китай играют первостепенные роли, основываясь на своем стратегическом взаимодействии. Следовательно, резонно исходить из того, что укрепление здесь российских позиций и проведение активной дипломатии в регионе приобретает для России стратегический характер – своего рода «поворот на Восток» при отказе от самой идеи «встраивания в Запад», оказавшейся иллюзией. Теперь предстоит культурно-цивилизационное самоопределение России, предопределенное всей ее историей как многонационального и многоконфессионального государства,

совместимого с другими культурами и цивилизациями на контрасте с Западной цивилизацией, проваливающей тест на какую бы то ни было поливалентность. Запад будет стремиться «убить» Русскую идею, которая, согласно определению Н.Бердяева (в его книге «Русская идея» 1946 г.), сводится к «идее коммюнитарности и братства людей и народов».

13. Нарастает значение ресурсообеспеченности государств, в том числе полезными ископаемыми, особенно имеющими стратегическое значение: энергоресурсами, продовольствием, водными ресурсами, включая запасы пресной воды. В условиях роста температурных перепадов и погодных аномалий в последние десятилетия, деградации сельскохозяйственных земель, загрязнения источников пресной воды, а также активного роста населения Земли вопросы продовольственной безопасности наряду с доступом к энергетическим ресурсам (включая удобрения как «второй передел» освоения энергоресурсов) выходят на первый план.

Следует ожидать резкого возрастания интереса и соперничества за ресурсы малоосвоенных регионов, в первую очередь Арктики, позднее Антарктики. Следующими шагами станут «зашельфовые» пространства Мирового океана. Соперничество и конкуренция за освоение этих зон, помимо самостоятельного исключительно большого значения, уже в недалеком будущем станут главными драйверами экономического и технологического развития стран, факторами, определяющими их место в формирующейся новой, горизонтальной международной системе.

14. Вместе с тем достижения в области технологий, особенно в таких областях, как искусственный интеллект, биотехнологии и возобновляемые источники энергии (ВИЭ), будут продолжать формировать новую политэкономия глобального развития, контуры которой пока не просматриваются.

Динамичное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ), взрывной рост вычислительных компьютерных мощностей и создание квантовых технологий, трансформации в области производства, накопления и

хранения электроэнергии (включая развитие технологий ВИЭ, водородной энергетики и реакторов на быстрых нейтронах) в совокупности ведут человечество в сторону очередного технологического скачка. Неизбежным следствием такого скачка станет ужесточение конкуренции между ведущими технологическими державами за то, в каком виде и на основе чьих технологий будет осуществлён переход к новому технологическому укладу.

Наглядным свидетельством этой конкуренции является процесс энергетического перехода в контексте борьбы с изменениями климата, активно осуществляемого блоком западных государств в рамках реализации международной климатической повестки и предполагающего использование западных технологических решений и инвестиционных возможностей при переходе государств мира к углероднейтральной экономике.

15. XXI век, скорее всего, будет Веком миграции, как убеждены авторы одноименного исследования Стивен Каслс, Хейн де Хаас и Марк Дж.Миллер (Пятое издание, перевод 2022 года). Она будет иметь противоречивые следствия для всех государств, включая кризис политики «мультикультурализма». Отчасти мотивы будут обычными: экономические или неспособность мирового сообщества урегулировать внутренние и региональные конфликты. Но речь также о наследии колониальной эпохи и политике неоколониальной зависимости, имея в виду неравноправные условия торговли, с которыми были вынуждены мириться развивающиеся страны. Но главные и неизбежные тенденции - «возрастание этнического и культурного многообразия в большинстве стран», что становится тестом на культурно-цивилизационную совместимость для всех государств, прежде всего западных, где миграционная проблематика, накладываемая на кризисное состояние их общества, будет одним из важнейших факторов внутривнутриполитических и интеграционных процессов (именно эта тема перевесила чашу весов в пользу сторонников выхода Великобритании из ЕС на референдуме 2016 года).

16. Нельзя исключать при этом биополитических выбросов со стороны западных элит в целях контроля за ростом народонаселения, включая неомальтузианство, экофашизм, евгенику, лгбтизм и трансгендерство.

17. Что касается идеологической основы общественной жизни, то неизбежным представляется противопоставление сфер мировоззрения, идеологии и культурно-исторической идентификации. Это создаст предпосылки для восстановления значения факторов привлекательности обществ и государств в международных отношениях, но уже на сбалансированной и подлинно конкурентной основе. Будет изживаться унификаторский тренд западной политики, равно как и обслуживаемый им интервенционизм.

Необходимо исходить из двух вариантов развития указанных процессов: «мягкой посадки» – преобладания рациональных подходов и принципов умеренной политики и «жесткой посадки» – накопления критической массы в сложной системе с реализацией обвального сценария в любой момент, причем триггером может послужить любое событие, будь то геополитического, регионального или внутреннего характера, независимо от его размеров и значимости в существующей и все более «гиперреальной» системе координат.

II. СЕКТОРАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Глобальная экономика и финансы

- Происходит своего рода «черный передел» плане значимости природных ресурсов, включая минеральное сырье, энергоресурсы и продовольствие. Одновременно начинается демонтаж западной системы неокOLONиального доминирования и эксплуатации развивающихся стран при попытках США восстановить у себя реальный сектор экономики.

- При продолжении энергоперехода (вне зависимости от его скорости) международные противоречия по вопросам доступа к углеводородам (как основе текущего технологического уклада) будут дополнены противоречиями по вопросам доступа государств мира к редкоземельным металлам (как основе будущего технологического уклада), используемым при производстве большинства технологий в сфере ВИЭ. Немаловажно и то, что, как и в случае с углеводородными ресурсами, количество стран, обладающих крупнейшими запасами таких редкоземельных металлов, ограничено.

- В то же время США и их западные союзники выстраивают новые жесткие рамки, препятствующие развитию развивающихся стран, используя такие глобальные вызовы и угрозы, как, например, изменение климата. Апеллируя к императиву решения этой и других проблем, к интересам всего человечества, Запад ставит развивающиеся страны в заведомо проигрышное положение, не учитывая уровень их развития, что трудно расценить иначе как культивирование их неокOLONиальной зависимости, в том числе технологической, и решение собственных задач за чужой счет.

- Выход на первый план для всех стран, включая западные, проблем собственного развития в принципе служит мощным объединяющим фактором в глобальной политике, действие которого будет постепенно пробивать себе дорогу и находить признание в широком кругу государств, независимо от уровня их развития.

- Нехватка сырьевых товаров и продовольствия из-за санкций, нарушение логистических цепочек, перевооружение производства и

проблемы, связанные с чрезмерно завышенными темпами энергоперехода, создают предпосылки для качественно новой экономической среды, в которой не будут срабатывать традиционные методы и инструменты макроэкономического регулирования.

- Финансовое бремя увеличивается из-за высоких процентных ставок, прежде всего в западных странах, которым приходится отвечать на вызов заката финансиализации экономики и реиндустриализации. Ситуация объективно требует сокращать расходы, в том числе на оборону и социальное обеспечение, что вступает в противоречие с геополитическими императивами западной политики в контексте кризиса в отношениях с Россией. Неизбежно будут расти расходы на обустройство иммиграции из других регионов мира, попыток ее интеграции в общество западных стран.

- В целом новая система экономического устройства будет характеризоваться переходом от финансово-экономической модели, основанной на принципах спекулятивной экономики и доминирования производных финансовых инструментов, в сторону возврата к реальной экономике, что будет являться залогом решения проблемы собственного развития и обеспечения своего экономического, технологического и промышленного суверенитета.

- Инициатива Пекина «Один пояс – один путь» постепенно расширяет влияние Китая в Евразии, Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке, в Северной и Восточной Африке, а также в Средиземноморской Европе. Благодаря этому проекту опосредованное влияние Пекина в этих регионах постепенно вытесняет американское, которое сохраняется на Британских островах и в Северной Европе, включая Германию.

Глобальная политика

- Блок, сформированный коллективным Западом для сдерживания России и Китая, обособлен, в том числе географически, от остального мира, включая самые быстрорастущие экономики и рынки. Страны, не входящие в этот американский блок, отказываются делать выбор между Вашингтоном и его предполагаемыми противниками, остаются открыты для ведения бизнеса с обеими сторонами и занимают отстраненную позицию по отношению к санкционной политике Запада, включая опосредованную передачу экспортной продукции конечным потребителям.

- Резко сокращается способность организовать общемировой ответ на такие проблемы, как изменение климата или пандемии. В рамках комплексной регионализации ответы на соответствующие вызовы будут формироваться на региональном уровне. Естественно, что проблематика глобального ответа будет сохраняться и обостряться, способствуя вторичной – идущей с регионального уровня - самоорганизации мирового сообщества.

- Основа глобального влияния США – военные возможности – теряет свое значение на фоне вызовов нарождающегося миропорядка, требующих экономического ответа и согласованных коллективных усилий всего мирового сообщества в порядке реализации возросшей взаимозависимости государств.

- Военное превосходство США уходит в прошлое, региональные силы наращивают свои военные возможности; у России, Китая, Индии, Ирана, КНДР и ряда других стран-региональных лидеров появляются новые системы вооружений.

- Учитывая риски эскалации опосредованной войны на Украине между США, НАТО и Россией, растущую вероятность войны между Китаем и США в Тайваньском проливе, политику КНДР, которая считает ядерное сдерживание необходимым для выживания государства, ядерное противостояние Индии и Пакистана и нынешнее обострение

Ближневосточного кризиса, опасность применения ядерного оружия гораздо выше, чем в годы Холодной войны.

- Россия отвергает западнцентризм/европоцентризм последних трёхсот лет в своем развитии и международном позиционировании и разворачивается в направлении Мирового большинства, представленного незападными странами Азии, Африки, Латинской Америки и Карибского бассейна, укрепляя взаимодействие с Китаем, Индией, Бразилией и ЮАР в рамках БРИКС, ШОС и других открытых форматов, включая ситуативные - для поиска решений тех или иных конкретных задач собственного и мирового развития.

- Турция переоценивает свое историческое прошлое, начиная с участия в Крымской войне, и определяет себя как западноазиатское и исламское государство, всё больше уклоняясь от выполнения своих обязательств в НАТО.

- НАТО и другие военно-политические и торгово-экономические союзы закрытого состава с сильной идеологической составляющей утрачивают свой смысл существования, единство, а их члены постепенно сокращают объём своих соответствующих обязательств или вообще выходят из этих альянсов.

- Германия, Япония и другие государства, находящиеся в зависимости от США после Второй мировой войны и под их оккупацией в том или ином формате, включая размещение на их территории американского ЯО, приступают к перевооружению в ответ на требования Вашингтона в порядке «западной солидарности» перед лицом «вызовов» со стороны России, Китая, Ирана и КНДР. В принципе, по мере эволюции геополитической ситуации, это будет способствовать военно-политической «расстыковке» (decoupling) этих стран с США и созданию условий для проведения собственной внешней политики. При этом будут делаться попытки переосмысления своего прошлого, включая недавнее, с неизбежным периодом «разброда и шатаний» внутри собственного общества, идейной и иной самоидентификации, а также во внешней политике. В феврале 2024 года Ж.Боррель заявил, что «эра

западного доминирования подошла к концу», что «теоретически» было понятно и раньше, но выводы из этого в западных столицах не делались.

- Латинская Америка развивает отношения с Китаем, Индией, Ираном, Россией, Турцией и другими странами, что постепенно ослабляет американскую гегемонию в Западном полушарии.

- Африка – крупнейший резерв сырьевых ресурсов; экономики континента, освобождаясь от неокOLONиальной зависимости, всё больше укрепляют связи с Бразилией, Китаем, Индией, Россией, Ираном и Турцией.

- Важнейшим обременением политики Запада будет оставаться то, что в рамках контролируемой им системы координат не было найдено устойчивых решений мирового развития, прежде всего в части развивающихся стран, вплоть до откровенного игнорирования проблем их развития в последние 30-40 лет в рамках неолиберальной экономической политики.

Новый экономический порядок

- Российские энергоносители, металлы, минералы и другие природные ресурсы питают экономики Глобального Юга и уже недоступны по прежним ценам для США и членов враждебной России коалиции.

- Американские санкции дают Китаю и России мощный стимул для создания консорциумов с Ираном и другими странами для преодоления зависимости от Америки в сфере гражданского и военного производства, а также производства продукции двойного назначения, включая, например, пассажирские самолёты.

- Способность Соединённых Штатов финансировать проецирование своего глобального влияния с помощью долгосрочных казначейских облигаций вызывает всё больше сомнений, учитывая репутационный ущерб от конфискации долларовых резервов Ирана, Венесуэлы, Ливии, Афганистана и России.

- Растущие риски односторонних санкций США вынуждают страны вести расчёты по экспорту и импорту в национальных валютах, использовать свопы для курсов валют с основными торговыми партнёрами, переходить на твёрдые валюты помимо доллара, вводить трансграничные цифровые валютные терминалы и создавать дополнительные расчётные центры для ведения международной торговли. Непомерные привилегии, обеспечивавшие глобальное доминирование США, постепенно утрачиваются.

- Китай, Индия, Россия, арабские производители нефти и другие растущие экономические и финансовые державы реагируют на стимулы к созданию отдельного финансового миропорядка, который станет альтернативой долларовой системе *SWIFT* и подорвёт эффективность американских санкций как инструмента внешней политики.

- Возрастает зависимость США и их союзников от поставок топлива для АЭС в связи с тем, что основные ресурсы – у России и дружественных ей стран.

- Исчерпание американоцентричной модели глобализации порождает множество региональных торговых и инвестиционных режимов и разрывает глобальные рынки, из которых могут исключаться крупные игроки, прежде всего США и ЕС; тон задают ведущие региональные игроки и региональные интеграционные объединения там, где они имеются или создаются, например, АСЕАН и Афросоюз.

- Споры по поводу международных транзакций решаются на двусторонней основе или в рамках региональных процессов; государства всё реже прибегают к глобальным механизмам урегулирования споров, включая ВТО.

- Мир продолжает апеллировать к специализированным органам ООН для решения технических проблем, но Совет Безопасности и другие международные организации, парализованные соперничеством и разногласиями великих держав, утратили свой дипломатический потенциал. На воссоздание эффективных структур глобального управления уйдет 10-15 лет, в течение которых все процессы будут «утрясаться» на уровне регионов. Только тогда можно будет судить о конкретных параметрах новой глобальной архитектуры.

- Практически не заключаются новые глобальные, универсальные договоры и соглашения, устанавливающие обязательные для всех правила. Происходит дальнейшая атрофия общемировых режимов регулирования. Одновременно вызревает межцивилизационный консенсус, который отражает культурно-цивилизационное многообразие мира и послужит основой новой системы глобального управления – скорее всего, обновленной ООН с увеличением числа постоянных членов Совета Безопасности, призванным сделать его по-настоящему представительным и эффективным.

Однако опыт исторических аналогий и трансформаций существовавших систем и подсистем международных отношений свидетельствует, что, как правило, инструменты и механизмы отживающей системы международных отношений прекращали своё существование (хотя отдельные элементы,

безусловно, могли быть заимствованы и в рамках новой системы). С учётом этого есть основания полагать, что вероятность успешного реформирования системы ООН существует, но такие перспективы далеко не гарантированы.

Технологии и информация

- В регионах действуют разные технологические стандарты, новые технологии порой доступны только там, где были разработаны.

- Киберпространство станет новой ареной как для межгосударственного взаимодействия и регулирования, так и для ожесточённого противостояния (особенно учитывая стремление ядерных держав избегать прямого военного столкновения, а также, принимая во внимание возможность использования инструментов прокси-войн в области киберпространства, что минимизирует риски для того или иного государства быть обвинённым в агрессии).

- Интернет трансформировался в региональные и национальные зоны, отделённые друг от друга файрволами. Основными задачами государств в области развития интернета станет регулирование мирового интернета (или его макрорегиональных элементов в случае недоговороспособности тех или иных стран в глобальном масштабе), борьба с анонимностью, настройка интернета под нужды его использования в интересах развития цифровой торговли и использования цифровых валют, обеспечение безопасности критической инфраструктуры от последствий кибератак и др.

Технологии искусственного интеллекта и мир будущего

Нельзя просто уподоблять быстрое развитие ИИ прорывным технологиям прошлого (от книгопечатания до атомной энергетики), которые радикально сказались на мировом развитии и международных отношениях. В силу самого характера этой технологии будущий качественный прогресс в развитии ИИ будет означать возможность качественного и быстрого прорыва на всех направлениях научного познания и технологий, который не будет иметь аналогий в истории человечества и который чреват в том числе серьезными геополитическими последствиями. Происходит переход от привычных форм узкого ИИ к более сложным. Получают быстрое развитие мультимодальные и многозадачные интеллектуальные системы, что является значимым шагом к созданию общего искусственного интеллекта (ОИИ), который, как полагают эксперты, по своим параметрам сравняется и превзойдет возможности современного человека на всех направлениях когнитивной деятельности. Они считают, что эффект от появления ОИИ будет сопоставим с созданием ядерного оружия.

Некоторые эксперты считают появление Large Language Models (Больших языковых моделей – БЯМ) предвестником возникновения ОИИ. Глобальное соревнование в разработке языковых моделей сегодня превращается в гонку технологических «вооружений». Разработчики БЯМ соперничают в неожиданно открывшейся нише языковых моделей за их производительность, популярность, аудиторию и финансирование. Победитель в этой гонке может радикально изменить экономический баланс сил на планете в свою пользу.

Создание ОИИ, не выходящего за рамки машинного интеллекта и остающегося под общим контролем человека, в синхронной связке с соответствующими интеллектуальными роботами объективно создаст решающие предпосылки для кардинальной трансформации современного мира, который может быть охарактеризован как киберфизический. Прорыв в

создании сильного ИИ на качественно иных принципах становится важнейшим условием формирования многополярной геополитической реальности, которая предполагает защиту и экспорт цифрового суверенитета, а также осмысление места человека в этом новом мире – в порядке противодействия подходам в русле идей трансгуманизма.

Транснациональные ИТ-компании получают власть и право решать государственные вопросы, например, предоставлять или ограничивать доступ к мобильному Интернету или облачным сервисам. Влияние крупных технологических компаний на геополитику в известной мере подрывает государственный суверенитет, поскольку зачастую государство выпускает из рук контроль за технологиями, либо делегирует его корпорациям.

Системы БЯМ выводят на сцену новые, зачастую маргинальные субъекты, и делают доступным для широкого круга лиц операции с политическими последствиями.

Дальнейший прогресс в области ИИ может и должен дать качественное улучшение и развитие всех сторон жизни человечества при социально-ориентированном, сбалансированном развитии данной отрасли, чей потенциал воистину колоссален. Однако в силу острых противоречий современности, наличия влиятельных государственных и негосударственных антисоциальных акторов, количественный и качественный прогресс в развитии ИИ может дать начало различным негативным сценариям, вплоть до уничтожения человечества. Технологии ИИ могут оказать глубокое воздействие на систему международных отношений посредством создания новых, несбалансированных геополитических иерархий. Это растущее воздействие может быть не связано с конкретным кризисом или войной или ограниченной во времени последовательностью событий, но, тем не менее, будет иметь долговременные последствия, стирая границы между войной и миром. Проявляется тенденция к попыткам киберколонизации, которая усилит разницу между немногочисленными государствами, обладающими и

освоившими новые технологические инструменты геополитической власти, и подавляющим большинством стран потребителей продвинутых технологий.

Состязание в области интеллектуальных систем станет новым полем технологического соперничества, где успех зависит не только от качества и количества цифрового оборудования и программного обеспечения, но также от объемов и качества больших данных, на которых эти системы обучаются. Сегодня в мире разворачивается соперничество за доступ к большим данным.

Можно предвидеть, что эти дестабилизирующие тенденции будут проявляться с новой интенсивностью и скоростью благодаря быстрому совершенствованию ИИ. Неявный аспект цифрового империализма будет нелегко принять во внимание политическим лидерам, и он вряд ли будет интегрирован в коллективное сознание населения именно в силу своего латентного характера.

По мере роста доверия людей к искусственному интеллекту лицам, определяющим политику государства, будет сложнее принимать независимые решения, поскольку они могут повлечь юридические последствия. При этом менее продвинутые в технологическом отношении страны, вероятно, будут вынуждены чаще полагаться на пусть менее продвинутые, «отсталые» ИИ-алгоритмы в политике, не имея возможности состязаться с конкурентами в скорости анализа информации и принятии решения.

Особое поле для будущих рисков создает растущая практика злонамеренного использования ИИ, в том числе в информационно-психологической сфере, что требует адекватной оценки и реакции. Как подчеркнул в своем выступлении Президент В. В. Путин на конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта» 24 ноября 2023 г., «нужно обязательно использовать российские решения в сфере создания надежных, прозрачных и безопасных для человека систем искусственного интеллекта, а также подключать к общей работе специалистов гуманитарных дисциплин». Интеграция усилий специалистов технического и гуманитарного профиля –

необходимое условие системного, быстрого и безопасного развития ИИ сегодня и в еще большей степени – в недалеком будущем.

**III. НЕКОТОРЫЕ СЦЕНАРИИ,
ВАРИАНТЫ РАЗВИТИЯ СОБЫТИЙ И «БОЛЬШИЕ СТРАТЕГИИ»**

1. Внутренняя трансформация Запада. США: три сценария

Состояние Запада, самого западного общества - одно из главных неизвестных и, пожалуй, ключевой фактор, который обуславливает многовариантность развития событий в глобальной политике, экономике и финансах на ближайшую и среднесрочную перспективу. Нет сомнений в том, что Запад переживает трансформацию, обусловленную завершением цикла пятисотлетнего доминирования и условно аналогичную той, в которую вступил Советский Союз во второй половине 80-х гг. По своему значению она сопоставима с предыдущей, которая была сопряжена с двумя мировыми войнами, экспериментами с фашизмом/нацизмом и Великой депрессией 30-х гг. и привела к введению всеобщего избирательного права, радикальному изменению положения женщин, созданию многочисленного среднего класса, ставшего опорой западной демократии, и «социализации» экономики, которая осуществлялась не в последнюю очередь в силу геополитического императива - необходимости ответить на «вызов Советского Союза». Однако, очевидно, данная трансформация будет носить более глубокий характер – нельзя войти дважды в один и тот же поток.

Нынешняя трансформация проходит в качественно иных условиях: отсутствует сдерживающий/дисциплинирующий элиты фактор биполярной идеологической конфронтации (пока не впечатляет попытка искусственно воссоздать видимость таковой - по линии либеральные демократии-автократии); неолиберальная экономическая политика в сочетании с глобализацией последних 40 лет, по сути, означала отказ элит, которые, в свою очередь, подверглись усреднению (что выхолащивало политический процесс), от послевоенного «общественного договора» в форме социально-ориентированной экономики; состоялось возвращение к капитализму образца до 1929 года, только в условиях всеобщего избирательного права и социальных обязательств государства; разрушался не только традиционный рабочий класс, но и средний класс; свое «второе дыхание» западная экономика

обрела не по своим достоинствам, а в силу финансиализации и привходящего геополитического фактора - окончания Холодной войны и распада СССР, что создало иллюзию безальтернативности западных ценностей и модели развития (своего рода «конца истории»).

Тезис о назревшем системном кризисе Запада становится расхожим в политологических кругах самих западных стран. Так, Питер Трубовиц и Брайан Бургун в только что вышедшей книге «Геополитика и демократия. Западный либеральный порядок от основания до слома» признают, что злую шутку с западными элитами сыграло снятие дисциплинирующих ограничителей эпохи Холодной войны. В результате, нарушился баланс между целями внутренней и внешней политики, последняя стала терять легитимность ввиду разрушительных последствий рыночной глобализации для самого западного общества. В их оценке, «ко времени, когда британцы проголосовали за Брекзит и Дональд Трамп был избран президентом, прежде эффективный цикл между внешней политикой и партийной демократией превратился в порочный круг». А нынешний помощник президента США по национальной безопасности Джейк Салливан в статье для журнала «Форин Аффферс» (номер за ноябрь-декабрь 2023 года), пытаясь оправдать политику администрации Дж.Байдена, вынужден признать неподготовленность страны к новой геополитической ситуации. В частности, речь идет о таких задачах, как «инклюзивный экономический рост», восстановление «внутренних источников национальной мощи» и обеспечение инклюзивности международных институтов. Ситуация, образно говоря, «требует пересмотра посылов, которых придерживались в течение долгого времени».

О вызревании трансформационного момента на Западе свидетельствовали поляризация настроений в обществе, рост протестного электората (на него элиты наклеивали ярлык «популизма», что загоняло болезнь внутрь), образование излишнего коренного населения при нарастании иммиграционного потока из развивающихся стран, что обусловило кризис политики «мультикультурализма»; стремление элит контролировать «условия

дебатов» в обществе посредством политкорректности, контроля над традиционными СМИ и откровенного зажима свободы слова и, наконец, «культурные войны» (в особенности в США), которые означали, ни много ни мало, антагонизмы вокруг национальной идентичности, включая вопросы истории, традиционных ценностей, прежде всего семейных, и веры. Результирующей стал кризис неолиберализма и самой либеральной идеи.

На эти процессы обращает внимание в книге «Восстание элит и предательство демократии» Кристофер Лэш, который указывал: «Каковы бы ни были его недостатки, национализм среднего класса предоставлял общую основу, общие стандарты и общие референциальные рамки, без которых общество растворяется в не более чем соперничающие фракции, как отцы-основатели Америки столь хорошо это понимали - в войну всех против всех» (цитируется по: Г.Киссинджер, «Лидерство»). При этом Киссинджер акцентировал в своей книге такие черты политиков, чья деятельность стала, в его понимании, трансформационной для их стран, как патриотизм, «глубокая укорененность в чувстве национальной идентичности» и прочие «ценности среднего класса».

Британец Джон Грей добавляет: «В западных обществах ультралиберальная цель состоит в том, чтобы сделать возможным людям самим определять свою идентичность. С одной стороны, это - логичный конечный пункт индивидуализма... С другой, это - проект создания новых коллективов и прелюдия к состоянию хронической войны между идентичностями, которые они воплощают. Человек никогда не сможет полностью сам себя определить». Таким образом, «занавес упал, как он опустился над Россией в 1917 году, с весьма сомнительными перспективами либерального Запада на будущее. В отличие от гуманистического большевизма либеральные общества когда-то существовали... Теперь же они сами перестают быть либеральными».

Как никогда пророчески звучит следующее высказывание Рональда Рейгана от 1975 года: «Если фашизм когда-нибудь придет в Америку, то

придет он под именем либерализма» (цит. по: «Америка против всех. Геополитика, государственность и глобальная роль США: история и современность». - М.: ООО «Содружество культур», 2023).

Можно прогнозировать следующие варианты развития и исхода системного и структурного кризиса западного общества, каждый из которых будет иметь серьезные геополитические следствия, в том числе для сложившейся послевоенной архитектуры международных отношений и системы глобального управления, которые сами находятся в кризисном, переходном состоянии. В силу американского лидерства, центральной роли США в глобальной империи Запада в двух «ипостасях» – как национального государства и как инструмента транснациональных сил – многое, если не все, будет зависеть от происходящего в США:

- ставка ультралиберальных элит США во главе с верхушкой Демпартии на ультралиберальную революцию в стране, ее экспорт в другие западные или подконтрольные страны и затем придание ей глобального размаха «мировой революции»: разрушение сложившейся исторически национальной идентичности, включая социальную составляющую, и создание новой в духе «культуры отмены», «критической расовой теории» и иных продуктов ультралиберализма, подмена традиционных прав человека тезисом «инклюзивности» с упором на права сексменьшинств и трансгендеров, что призвано закамуфлировать возобновление традиционного капитализма, как воспроизводящего и усиливающего неравенство. Такая «инженерия душ» и «само-сотворение»/self-creation (по Джону Грею), или «человекобожество» по Достоевскому, с попытками вторгнуться в свободу мысли знаменуют тоталитарную мутацию/эволюцию либерализма в русле пророчеств Достоевского в «Бесах» (Шигалев: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом»; Пётр Верховенский о «двух поколениях неслыханного разврата») и «Легенде о Великом инквизиторе», которые, таким образом, имеют всеобщее значение - для судеб либерализма, доведенного до абсолюта с разрушением баланса прав и обязанностей,

атомизацией общества, разрушением репродуктивной семьи и впадением в оруэлловскую антиутопию (предсказанную Достоевским).

В случае подобного большевизма западного образца, опирающегося на маргинальные слои населения, возможны реальная гражданская война в США, изоляция страны в западном сообществе (в других странах ультралиберальные идеи будет труднее «продавать») и более широком мировом сообществе - по типу того, с чем столкнулась Советская Россия в первые годы своего существования. Исторический Запад постепенно разрушается и его составные части и отдельные страны участвуют в самоорганизации региональных сообществ. США и их единомышленники занимаются экспортом революции с соответствующими последствиями для международной стабильности, поддержания мира и безопасности, включая роль ядерного фактора. Терпит крах стратегия сдерживания Китая, прежде всего по причине заинтересованности американских союзников, как в Европе, так и в Азии, в развитии торгово-экономического сотрудничества с Пекином. Китай решает Тайваньский вопрос на своих условиях, необязательно силовыми методами, а вследствие подрыва доверия к США повсюду в мире и усугубляющегося внутреннего конфликта;

- коренной (белой) Америке/среднему классу удастся остановить ультралиберальный проект, в том числе на выборах 2024 года, без насилия или в результате гражданской войны. Страна занимается воссозданием основ своей конкурентоспособности в условиях новой, многополярной высококонкурентной среды (условно трампизм). Одновременно воссоздается прежняя структура американского общества и его экономики, включая роль реального сектора (в том числе реиндустриализация за счет европейских и других союзников). Бизнес, включая банковский сектор, отказывается внедрять в свою корпоративную культуру ультралиберальную «инклюзивность» (как это ранее было с принятием «ценностей» ЛГБТ-сообщества).

В таком случае возможно возобновление прагматичных отношений с Россией на транзакционной основе; с приходом к власти республиканцев – формирование в рамках НАТО европейской оборонной идентичности с привязкой к реализации десятилетней программы закупок американских вооружений; демонтаж Евросоюза до уровня общего рынка или переформатирование его костяка до валютной зоны с общей экономической политикой. Полный слом США глобальной системы контроля над вооружениями и стратегической стабильности поставил на паузу все возможные новые договоренности в этой сфере до достижения нового баланса сил. США утратили все преимущества, которые получили за период со второй половины 80-х гг., начиная с Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности;

- кристаллизация внутривнутриполитических процессов в США и на Западе в целом затягивается, а с ними и геополитическая неопределенность.

В этой связи дальнейшее развитие получают процессы раздельного существования Запада и Мирового большинства. Последнее активизирует все направления своей самоорганизации, включая создание альтернатив западной системе координат по всему спектру - валютно-финансовой, научно-технологической, страховой, транспортной и логистической, медийно-информационной - на таких площадках, как расширяющиеся БРИКС и ШОС, Афросоюз и интеграционные объединения ЛАКБ.

2. Экономическое будущее Америки: ситуация 70-х повторяется, но с неопределенным исходом

Сходная с кризисом 70-х ситуация складывается в американской экономике после Глобального финансового кризиса 2008 года, последствия которого так и не были преодолены, притом что резко снизился ресурс традиционных инструментов макроэкономического регулирования и проблемы решаются на неустойчивой основе печатания денег (так называемое «количественное смягчение»), что привело к резкому росту суверенной задолженности (свыше 34 трлн.долл. или порядка 130% ВВП). Совокупный дефицит федерального бюджета и текущего счета платежного баланса составляет порядка 10% ВВП, притом что в годы Ковида-19 дефицит бюджета наполовину покрывался за счет печатного станка (3,5 и 3,0 трлн.долл. в 2020 и 2021 фин.годах). Резкий рост инфляции, лишь отчасти спровоцированный украинской авантюрой администрации Байдена, и связанный с этим рост ставки рефинансирования ФРС дестабилизируют банковский сектор, где обесцениваются активы. По данным специального исследования группы экономистов, включая Л.Саммерса (NBER Working Paper 32163 от февраля 2024 года), администрация Байдена, руководствуясь предвыборными соображениями, намеренно занижает уровень инфляции (3,1%), который не может быть ниже 8% (против 18% в годы Ковида-19). Из этого можно заключить, что предметом фальсификации являются и прочие экономические показатели, включая реальные размеры ВВП и экономического роста.

Представляется обоснованным прогноз о том, что проблемы в американской экономике будет трудно скрывать в месяцы, оставшиеся до президентских выборов в ноябре. Время также покажет, насколько совместима реиндустриализация Америки, без которой не решить проблему занятости, с глобальным доминированием доллара. Сильный доллар оказывает удушающее воздействие на реальный сектор, который не может быть конкурентоспособным в условиях международной торговли. То есть,

полагаясь на печатный станок на протяжении полувека, Вашингтон (если использовать аналогию англо-американского историка Н.Фергюсона применительно к судьбе СССР в его статье «Киссинджер и подлинный смысл разрядки» в «Форин Аффэрс» за март-сентябрь – см. далее по тексту) сам сплел себе «удавку». Ситуация также отсылает к ветхозаветным юбилеям, когда раз в 50 лет списывалась задолженность, становившаяся причиной рабства, дабы восстановить пространство для естественного хода товарно-денежных отношений.

Если доллар будет «отпущен» (проблемы 70-х были отчасти решены за счет одностороннего отказа Вашингтона от золотого стандарта - тогда на волне пика Войны во Вьетнаме, нынешний аналог - затянувшаяся война с Россией на Украине), то нельзя исключать в перспективе переход к поливалютной системе кануна Первой мировой или созданию валютных зон по макрорегионам с соответствующим сжатием сферы применения доллара. Попытки введения санкций против стран, уходящих от долларовых расчетов (этим вопросом, по сообщениям, занимаются советники Д.Трампа), лишь усугубят ситуацию, и без того тяжелую ввиду массированного использования доллара как оружия в конфликте с Россией в последний два года. Доля доллара в международных расчетах снизилась за последние годы с 70 до менее 50%. Определенный перелом в этом вопросе, как полагают эксперты, может быть сопряжен с созданием Китаем, Россией или коллективно БРИКС финансовых инструментов накопления и сохранения стоимости, подкрепленных реальными ресурсами, включая золото и запасы стратегических металлов.

3. Двойное сдерживание: «ловушка Фукидида»

США, противостоя Китаю, могут потерять весь остальной мир, то есть Мировое большинство. И это было бы действительным стратегическим поражением Америки. Бывший лейбористский премьер-министр Великобритании Гордон Браун напоминает тем, кто в США и на Западе апеллирует к «ловушке Фукидида», которая отсылает к Пелопоннесской войне, что Спарта в действительности нанесла военное поражение Афинам, но ее гегемонию «разобрали» мелкие греческие государства. То же может произойти с Америкой, если она не сделает свое доминирование более инклюзивным и представительным. Признаков этого не просматривается. США не смогли в течение 30 лет кооптировать в свою систему координат ни одно из ведущих государств незападного мира, начиная с России и Китая, сделав выбор в пользу их сдерживания. Ничего не меняется и сейчас, когда Вашингтон занят укреплением и созданием военно-политических блоков, противостоящих России и Китаю.

Европейская история показывает, что логика «ловушки Фукидида» имеет разрушительные последствия для всех участников такого противостояния. В канун Первой мировой войны Берлин руководствовался стремлением не допустить превращения России, которая вследствие Великих реформ Александра II и Столыпинских реформ развивалась ускоренными темпами, сопоставимыми с китайскими в рамках его «мирного подъема» в последние 40 лет, в доминирующую экономическую державу на континенте. Альтернативой было соучастие - индустриально-технологическое (Германия) и инвестиционное (Франция) - в экономическом подъеме России. В итоге, Европа и мир получили трагедию двух мировых войн, составивших в сочетании с межвоенный периодом, а это был рост агрессивного национализма с преобладанием авторитарных режимов, включая фашизм и нацизм с их преступлениями, новую Тридцатилетнюю войну (Г.Киссинджер).

Потерпели национальную катастрофу все акторы, что открыло Европу для участия США в ее делах и американской экспансии на континенте.

В нынешних условиях - после окончания Холодной войны и распада СССР - США и под американским лидерством коллективный Запад сделали аналогичный выбор, грозящий сходными последствиями. Разница лишь в том, что полномасштабная мировая война невозможна в силу ядерного фактора - она разыгрывается в ограниченном гибридном формате на Украине. Реальной трагедией американской политики и началом физического конца американской гегемонии стала именно неспособность США вовлечь незападный мир в санкционное давление на Россию, ставшее тотальной экономической войной.

Выстояв, Россия как практически единственная в мире самодостаточная страна в базовых сферах обеспечения жизнедеятельности, получила мощный стимул и мотивацию для промышленно-технологического прорыва, сопоставимого с тем, который был осуществлен в куда более сложных условиях Советским Союзом в первые два послевоенных десятилетия. Одновременно СВО привела к резкому росту производства в ОПК с соответствующим ростом занятости. Для России в данном отношении СВО, спровоцированная американской политикой на Украине, имела те же следствия, что и Вторая мировая для выхода США из Великой депрессии и ускоренного экономического роста. Такого преимущества на этот раз не имеет Запад, а Россия вновь в состоянии использовать ОПК для технологического прорыва.

Сдерживающими для западных стран факторами служат не только санкционный бумеранг, но и общее кризисное состояние общества. Можно прогнозировать разрушение Европы и Евросоюза как европейской опоры Западного альянса, что послужит материалом для восстановления реального сектора экономики США. Запустив эту «сверку с реальностью», СВО выявила реальную картину сравнительной экономической мощи ведущих государств мира: первый шаг в такой вынужденной переоценке ситуации (надо было

объяснить, почему вопреки прогнозам западных столиц российская экономика не рухнула под воздействием санкций) сделал Всемирный банк, пересчитав размеры ВВП по паритету покупательной способности/ППС - первое место в ведущей «пятерке» занял Китай, Россия и Япония разделили четвертое и пятое места и в нее не вошло ни одно из западноевропейских государств.

Сдерживание развития Китая также не имеет перспективы - как в силу произошедшего в рамках глобализации рассредоточения технологической мощи, так и вследствие естественного роста его военной мощи на здоровой экономической основе (по аналогии с США в первые три четверти XX века). Более того, крайне проблематично действенное участие ЕС, особенно ФРГ, в сдерживании Китая: уйдя с российского рынка в силу геополитического принуждения со стороны США, европейские (как, впрочем, и азиатские) союзники Америки не могут себе позволить порвать торгово-экономические отношения с Китаем, в который вкладывались десятилетиями. Требуемый Вашингтоном разрыв оказался слишком резким. Так, Великобритания еще в 2016 году делала ставку на инвестиционное участие Китая в своем развитии, а тогдашний премьер-министр Д.Камерон заявлял о грядущем «золотом веке» в отношениях с Пекином. В любом случае у Китая будет время в рамках стратегии «двойной циркуляции» ослабить свою зависимость от экспорта, переориентировать экономику преимущественно на внутреннее потребление и закрепить внешнеэкономические позиции посредством реализации проекта «Один пояс – один путь», гарантировав их от враждебной политики США.

4. Военные стратегии и «битва Левиафанов»

Реагируя на стратегию блицкрига Запада на Украине, Россия навязала противнику свою - затяжного конфликта, к которому ни США, ни Запад в целом оказались не готовы. Расчеты на нанесение России «поражения на поле боя» или «стратегического поражения» оказались химерой, что, тем не менее, сорвало попытки переговорного урегулирования конфликта, вызванного де-факто продвижением инфраструктуры НАТО к российским границам даже в отсутствие формального членства Украины в альянсе. Авантюра на Украине, призванная избежать «войны на два фронта», на деле создала именно такую ситуацию для США. Россия и Китай сблизилась перед общей угрозой, исходящей от США. Более того, вполне реальна перспектива того, что, увязнув на Украине и демонстрируя свою неготовность к прямому конфликту с Россией, США заочно проиграют Китаю в Тайваньском проливе: их готовность встать на сторону Тайваня в случае силового решения проблемы Пекином (НОАК должна быть готова к этому в 2027 году) будет воспринята китайской стороной не иначе как блеф.

Такое развитие, вполне реальное в среднесрочной перспективе, обесценит американское блокостроительство в АТР, в том числе и ввиду прогнозируемого самими американцами выхода Китая по размерам своего ракетно-ядерного потенциала сдерживания на уровень американского: тогда потеряет смысл сама американская стратегия сдерживания развития Китая и вопрос будет стоять иначе - как вовлечь Пекин в комплексное стратегическое сотрудничество, с чего, по большому счету, американцы могли бы начать. Тут нельзя обойти замечание У.Черчилля, который говорил, что американцы всегда примут правильное решение, но прежде перепробуют все остальное. Тогда предстоит ответить на вопрос о том, будет ли у американских элит на это время в эпоху, когда все процессы ускоряются, и позволит ли это внутреннее, постлиберальное состояние американского общества.

В данной связи заслуживают внимания суждения о том, что современный капитализм уже не обещает «светлого будущего», в которое можно было бы верить. Его легитимность была целиком основана на мифе нескончаемого экономического роста. И в условиях, когда наблюдается «долгосрочная потеря образа жизни» значительными слоями коренной Америки, то в силу вступает подмеченное Николаем Бердяевым явление - массовые движения часто являются реакцией на высокомерие радикально настроенных элит (Дж.Грей). Отсюда эпидемия фентанила и других наркотиков в рамках того, что эксперты определяют как «неофеодализм». Грей прогнозирует, что США, если не начнут войну за возвращение утраченной гегемонии, будут продолжать находиться в состоянии дрейфа - как совокупности «фундаменталистских сект, воук-культов и техно-футуристских олигархов». Прогноз для ЕС: «может стать аватаром Священной Римской Империи, поблекшим калейдоскопом суесящихся княжеств и держав».

5. Ближний Восток: It is a conventional war of attrition, stupid!¹

Кризис вокруг Газы, как и Украинский конфликт, знаменует собой новую (старую, только на новом технологическом уровне) военно-политическую и стратегическую парадигму в глобальной политике, суть которой емко выражает перефразирование известного высказывания Б.Клинтона. Все это понимают. Но Запад, включая Израиль, оказался к этому совершенно неготов - в отличие от России, Ирана и КНДР. Китай, в свою очередь, имеет возможность своевременно сделать из этого выводы, что также служит важным элементом складывающейся геополитической ситуации.

Произошедшая в последние десятилетия ветхозаветная радикализация израильского общества, включая молодежь, связанная, как полагают, с преобладанием среди электората и во властных структурах прежде презираемых (underclass) выходцев из Северной Африки сефардов и мизрахим (по отношению к европейским ашкенази, стоявшим у истоков создания Государства Израиль) и проявляющаяся в дегуманизации палестинцев, поставила Израиль на путь саморазрушения. Такое развитие с упором на консервативные религиозные ценности и критику вестернизации служит своего рода зеркальным ответом на исламский фундаментализм и, странным образом, выводит эти силы на одну волну с Тегераном, что может иметь трудно предсказуемые и разноплановые последствия для решения палестинского вопроса.

Забвение принципов интеллектуально обоснованной, рациональной политики, дававшей в прошлом, в том числе при посредничестве США, позитивные результаты, масштабно проявилось в реакции на провокацию Хамас от 7 октября 2023 года и недооценке последствий удара по Генконсульству Ирана в Дамаске 1 апреля 2024 года. В итоге, Израиль, наивно рассчитывавший на вариант выдворения всего палестинского населения Газы

---

¹ Это обычная война на истощение, глупый!

в Египет, не только не добился успеха в борьбе с Хамас, но и получил войну на нескольких фронтах, включая ливанский (Хизбалла приступила к точечным ударам по чувствительным военным объектам на севере Израиля и разрушению жилых домов израильтян). Ключевой фронт - иранский: Тегерану удалось своей массированной атакой 13 апреля сломать прежнюю парадигму израильской стратегии сдерживания и продемонстрировать свою способность наносить удары по Израилю со своей территории в условиях неготовности США к войне с Ираном. В числе факторов геостратегической ситуации - неучет правительством Б.Нетаньяху развития военных технологий последнего времени, в том числе на опыте России в СВО на Украине (дроны, гиперзвуковые ракеты и резко возросшая точность баллистических ракет, массированное применение средств поражения для преодоления ПВО/ПРО) и неготовность как самого Израиля, так и США к войне на истощение, включая ограниченный запас соответствующих боеприпасов и мощностей по их производству (так, полагают, что отражение атаки 13 апреля обошлось Израилю и США, авиация которых - свыше 150 боевых самолетов - сбила большую часть воздушных целей, в 2-3 млрд.долл. при сравнительной дешевизне иранских средств поражения). В более широком плане, Израиль и США проигнорировали прогноз (Жана Бодрийяра) о возможности «воссоздания человеческого пространства войны» в тени ядерного сдерживания, причем не в формате блицкрига/«шок и трепет», а именно затяжного конфликта с «иронией объекта», противопоставляющего банальной стратегии стратегию фатальную, укорененную в его историческом призвании и потому экзистенциальную.

Замаячил призрак поражения, аналогичного уходу Израиля из Ливана в 2006 году, только более комплексного и решительного, которое может поставить под вопрос само существование Израиля. Вместо того, чтобы окончательно похоронить двугосударственное решение палестино-израильского конфликта, война в Газе его «воскресила», как считает Мартин Индик (на страницах журнала «Форин Аффэрс», номер за март-апрель).

Создание палестинского государства, включая задействование миротворческих сил ООН, похоже, стало императивом ближневосточной политики Вашингтона - как средство создания в регионе с участием Израиля и арабских государств «общего фронта» по сдерживанию Ирана, к войне с которым американцы не готовы по тем же причинам, что они не готовы и к прямому конфликту с Россией с применением обычных вооружений. Пока трудно сказать, насколько Вашингтону удастся провалить свой подход в контактах с правительством Нетаньяху, рассчитывающим (как и Киев применительно к России - на этом аналогии не исчерпываются) на прямой конфликт США с Ираном. Демократическая администрация Дж.Байдена заинтересована в политико-дипломатическом урегулировании также в силу внутривосточных причин - война в Газе и страдания палестинцев раскалывают электорат Демпартии.

В числе прочего мирное урегулирование востребует участие России как постоянного члена СБ ООН, причем в условиях четкого позиционирования Израиля в конфликте на Украине на стороне Запада и вызванного им сближения Москвы и Тегерана, в том числе в сфере безопасности (возможно, аналогичного соответствующим отношениям между США и Израилем). В дальнейшем развитии событий в регионе может сказаться отток израильского населения из страны (стремится к 1 млн.чел., из которых многие не намерены возвращаться), что будет усиливать позиции в израильском обществе радикалов, готовых приступить к строительству третьего Храма в Иерусалиме (что окончательно похоронит перспективу нормализации с КСА и другими арабскими странами). Анкара, в свою очередь, будет вынуждена выглядеть в своей политике в регионе не менее радикально, чем Тегеран.

Попытки Вашингтона договориться с хуситами в Йемене и призывы к Тегерану (через посредников) не реагировать чрезмерно на невнятный ответ Израиля на атаку от 13 апреля в порядке «сохранения лица» могут указывать на признание провала всей своей ближневосточной политики, лишившейся такого «якоря», как интересы энергетики, в том числе в плане обеспечения

соответствующих потребностей европейских союзников, явно третируемых как нежелательные конкуренты. Одним из следствий провала может стать уход нефтедобывающих стран Персидского залива из долларовых расчетов. С демонстрацией Вашингтоном неспособности обеспечить военную безопасность Израиля на запросном уровне требований правительства Б. Нетаньяху (плюс провал давления на Иорданию и Египет принять у себя палестинцев из Газы, что означало бы для Аммана подписаться под мнением Тель-Авива о том, что Иордания и есть искомое палестинское государство) Америку ждет дальнейшее ослабление ее единоличного «стратегического присмотра» за регионом. Постепенно здесь будет устанавливаться множественное внешнее влияние сообразно интересам соответствующих игроков, включая Китай и Россию.

Будет расти влияние региональных держав, которым будет трудно договориться без помощи извне: Астанинский формат подвел Турцию и Иран под общий знаменатель по Сирии, Китаю удалось добиться нормализации между Эр-Риядом и Тегераном. Не исключено, что палестино-израильское урегулирование будет иметь региональное решение с решающим участием Ирана, если не случится катастрофа нынешней израильской государственности (опять же, аналогия с постсоветской Украиной).

В плане более широких геополитических последствий, операция Израиля в Газе ввела в международную повестку дня проблематику угрозы международному миру и безопасности со стороны агрессивного национализма образца межвоенного периода в Европе, которую в случае с поведением украинских властей в отношении русскоязычного населения (начиная с АТО в Донбассе) Западу удавалось замалчивать посредством своего контроля над традиционными СМИ (и только затяжной характер конфликта на Украине с растущим вовлечением в него стран Запада стал подрывать западный нарратив происходящего). Параллельно, Израилю своими действиями в отношении палестинцев, включая их убийства поселенцами на Западном берегу р.Иордан, удалось сделать то, что не удавалось традиционным политическим партиям

левой ориентации («старых левых», включая сторонников Б.Сандерса в Демпартии США, уже успели «похоронить»): катализатором стали протесты молодежи, прежде всего студенческой, в поддержку палестинцев, которые охватили все западные страны, отодвинув на задний план навязанную элитами трансгендерную (и ЛГБТ+) повестку и заставив вспомнить события весны 1968 года во Франции и протесты против Войны во Вьетнаме в Америке.

6. США и Запад перед лицом множественных кризисов: Украина, Ближний Восток etc

Нынешнее обострение Ближневосточного кризиса вписывается в общий рисунок (pattern) множественности кризисов, характеризующих происходящий геополитический перелом. Среди них - Украинский, или цивилизационный в отношениях между Россией и Западом, а также маячащий на горизонте Тайваньский. Израиль и Украина, хотя и по-разному, иллюстрируют более широкий тренд, имеющий прямое отношение к глобальной политике. Не обладая опытом и культурой политической умеренности, их лидеры провоцируют ситуации, подпадающие под определение «веймаризации», которое все чаще звучит и в американском внутривластном дискурсе. Если в США речь идет о намеренной ставке элит на маргинальное большинство и их высокомерии (hubris), то в случае с Украиной и Израилем сказывается общее для большинства населения провинциальное сознание, устремленное в себя, закрытое для внешнего мира и высокой культуры, открытое для разного рода мифотворчества и националистических галлюцинаций.

Культура, и особенно культура элит, имеет огромное значение. Именно поэтому, если иметь в виду филистерство, Германия прошла через национальную катастрофу. Поэтому Великобритания до сих пор, хотя и не без элементов симуляции, в международных делах играет роль, явно не пропорциональную ее реальному экономическому и военно-политическому весу, и, скорее всего, будет участвовать в дележе «американского наследства» с «уходом» США из Европы, притом что в свое время глобальная империя США поглотила Британскую с установлением «особых отношений» между Лондоном и Вашингтоном. Поэтому же сочтены дни Pax Americana, которому не хватило интеллектуальной глубины и политической гибкости кооптировать другие ведущие государства мира.

Уже можно сказать, что вместо того, чтобы избежать «войны на два фронта», то есть одновременно с Россией и Китаем, что было изначальной целью политики Вашингтона по провоцированию Москвы на Украине посредством перевооружения и нацификации последней, США получили оба, как Германия в двух мировых войнах, плюс Ближневосточный, что в числе прочего создает конкурирующий спрос на крайне ограниченные американские ресурсы. Об американских «стратегиях выхода» на Украине и в отношении Китая позволяют судить следующие моменты.

Ответственность за завершение кризиса на Украине возлагается на европейских союзников (это – «угроза европейской безопасности») и Киев (речь идет о «его территории») под предлогом приоритетности обеспечения безопасности Израиля. Одновременно решается фундаментальная имиджевая проблема - не «присутствовать» при развязке на Украине, какой бы она ни была, и по максимуму вовлечь европейцев в долгосрочную конфронтацию с Россией. Вариантом удовлетворения российских интересов безопасности, по мнению экспертов, могла бы быть стратегия Киева (при новой власти) и НАТО в русле «обороны в формате укрепления доверия» (плюс элементы «народной обороны» образца поздней Югославии Тито и «гражданское неповиновение» на случай «новой российской агрессии», то есть признание изначальной ошибочности ставки на ведение регулярных военных действий, возможно, бравших за желаемый прецедент войну Советской России с Польшей 1920 года).

Применительно к Китаю, когда время потеряно и израсходовано много политического капитала (Вашингтон вынужден обращаться к Пекину с просьбами о содействии урегулированию на Украине на своих условиях) и истощены запасы вооружений и боеприпасов к ним, в повестку дня встает вопрос о проведении политики разрядки или «сдерживания посредством вовлечения» (в духе *constructive engagement*). Она не только оказалась результативной на советском направлении в эпоху Холодной войны, прежде всего в части Хельсинкского процесса (по образному выражению Н.

Фергюсона, оказавшегося «веревкой, на которой повесился Советский Союз»), но и отвечала задаче экономического восстановления Америки, которая в 70-е годы переживала кризис - выход из него был найден на путях неолиберальной экономической политики, сопровождавшейся глобализацией. Тогда советское руководство проявило наивность, поддавшись на приманку подтверждения послевоенных границ в Европе, но главное, не сочло нужным использовать разрядку для реструктуризации экономики страны и поиска путей выхода на этой основе из долларовой системы координат.

В Китае, где опыт распада СССР является предметом тщательного изучения на постоянной основе, вряд ли будут готовы проявить аналогичную наивность, на что указывает лидерство Си Цзиньпина. Так что условия такой «разрядки 2.0», признаки которой уже появляются в американской политике, скорее всего, станут предметом жесткого торга на основе абсолютного равенства сторон, будь то торгово-экономические отношения (в отличие от СССР здесь налицо отношения взаимозависимости, побуждающие Вашингтон ставить перед Пекином вопрос о снижении им объемов производства и, соответственно, экспорта в США) или отношения стратегической стабильности, имея в виду выход Китая на паритет с США по числу боеголовок, развернутых на стратегических носителях, предположительно к 2030 году.

Одновременно на фоне происходящего обострения вырисовывается переход в пассивную часть стратегического баланса того, что раньше рассматривалось как ресурс, например, базы на иностранной территории и ее использование в качестве плацдарма для «обороны на передовых рубежах». Базы и страны-союзницы становятся заложниками в рамках обычного конфликта, ранее немислимого. Ситуация отводит инициативу ядерной эскалации США и Израилю, будь то Европа или Ближний Восток. Момент крайне существенный в качественно новой эскалационной картине множущихся конфликтов с участием США.

На горизонте конца этого десятилетия может встать вопрос о многополярной - в трехстороннем формате США-Россия-Китай - стратегической стабильности с соответствующим контролем над вооружениями. В данном отношении успешно разыгранная при президенте Р.Никсоне многополярность, равно как и принцип баланса сил, стали тенью, которую отбрасывает будущее, прежде чем оно наступит, будущее, которое послевоенная внешнеполитическая философия Америки продолжает игнорировать до сих пор с дестабилизирующими последствиями для всего мира.

7. Геополитическая реальность: биполярность 2.0?

Таким образом, можно предположить, что США потеряли 30 лет для того, чтобы сделать свою систему по-настоящему инклюзивной, и теперь все вынуждены иметь дело с глобальными катаклизмами, вызванными этим недалёковидным стратегическим выбором гегемона, который был подсказан интеллектуальной инерцией и высокомерием, неспособностью элит порвать с догмой и верно оценить радикально изменившуюся глобальную ситуацию. В результате, мы имеем переходную модель мирового развития с «асинхронным распределением параметров мощи» (Валдайский клуб). Действительно, ситуация беспрецедентна и не существует простых схем и сценариев её развития. В то же время она характеризуется новой «гонкой развития». Её частью станет, по мнению Джона Грея, гонка «новых Левиафанов» в лице постлиберальной Америки и Китая, которую Пекин «запрограммирован выиграть» в силу ряда причин: прежде всего его способности принимать трудные долгосрочные стратегические решения и преимущества госкапитализма с ключевой ролью государства по отношению к госкапитализму, где государство обладает корпоративными интересами. Поэтому пока нет реальных оснований для тезиса о возможности «поствестфальского, технополярного» миропорядка, где тон будут задавать IT-гиганты, как предполагает Ян Бреммер. Такую попытку исключать нельзя, если корпоративная Америка и элиты, как минимум, та их часть, которая представлена IT-бизнесом, проявляющим биополитические инстинкты и прогнозирующим (Билл Гейтс) следующую, уже более смертоносную пандемию Марбург, сопоставимую с лихорадкой Эбола, действительно, рассматривают свою страну как расходный материал для ультралиберальной «деконструкции», через которую должен пройти весь остальной мир и которая будет камуфлировать их доминирование в мире, пребывающем, как они предполагают, в состоянии «трансгуманизм».

Параллельно в Группе двадцати обостряется противостояние по линии Запад-Мировое большинство с ядром «семерка» - БРИКС. США безуспешно переходят к стратегиям расширения Запада, для начала за счет Индии и Южной Кореи, а также «вовлечения» России - с целью добиться ее «стратегической автономии» от Китая. Эти усилия терпят провал - как слишком мало и слишком поздно - ввиду запущенной самим Западом кристаллизации (и отчуждения) альтернативных форумов и схем самоорганизации незападного мира. Сказались высокомерие, интеллектуальная несостоятельность и врожденная неспособность Запада сделать свою систему по-настоящему инклюзивной - для этого Запад должен органически переродиться, то есть если не по собственной воле, то вынужденно трансформироваться, что и происходит на наших глазах.

Происходит усиление воздействия на Запад внешних факторов, прежде всего в плане сокращения возможностей взимания геополитической ренты как способа своего существования. Происходит нечто похожее по своим последствиям на поражение в мировой войне (или то, что называется, «проиграть мир»). В западных странах, включая США, происходит смена поколения элит, формировавшегося «однополярным моментом», его ожиданиями, предрассудками, инстинктами и высокомерием. Закладывается политическая основа для реальной «смены курса» внутри своих стран и во внешней политике: здесь возможна «гонка реализма» с отстающими, впадающими в более глубокий кризис развития, одновременно они «провисают» геополитически, оказываясь на обочине происходящих перемен в условиях ограниченности в мире всех видов ресурсов.

8. Будущее ООН: up for grabs?²

В последние десятилетия Запад злоупотреблял своим влиянием в ООН, продолжал методами давления добиваться нужных ему решений. Если что-либо не удавалось в Совете Безопасности, то становилось возможным на Генассамблее, в других органах Организации. Злоупотреблял он и доброй волей России – достаточно вспомнить резолюции СБ по Ливии, а теперь и по безопасности судоходства в Красном море.

Сейчас, когда всё стало предельно ясно, ситуация иная. Главное, конечно, это реформа Совета Безопасности, расширение его членского состава, дабы сделать его по-настоящему представительным, причём не только в географическом плане, но прежде всего в культурно-цивилизационном отношении. Так, сейчас налицо «перенасыщенность» Запада в категории постоянных членов: три места из пяти, тогда как два остальных принадлежат России и Китаю. Если брать «семёрку», то получается три места на семь её участников. Россия и Китай – это не только БРИКС, но и мировое большинство, т.е. три четверти членов ООН. Чтобы не расширять СБ чрезмерно, требуется сократить представленность в нём стран Запада, тем более что все они признают «лидерство» США. Американцы будут олицетворять всю западную цивилизацию и тех, кто себя с ней ассоциирует. Право на «постоянную прописку» в СБ имеют Индия и Бразилия, представляющие свои цивилизации. Речь идёт также об Африке и арабо-исламском мире, которые должны сами решить вопрос о том, кто их будет там представлять. В этих условиях абсолютно непроходными будут кандидатуры Германии и Японии: мало того что они являются западными странами, они ещё и не вполне суверенны, будучи под оккупацией США. Если Евросоюз сохранится после нынешнего геополитического кризиса, то, как считают

---

² Возможны любые варианты?

некоторые эксперты, место Франции можно было бы преобразовать в место для ЕС.

Пока трудно прогнозировать, как будет трансформироваться ООН. Сначала должен быть преодолен геополитический кризис – по его итогам можно будет судить о новом балансе сил в мире. Далеко не случайно многие (включая западные элиты) считают, что конфликт вокруг Украины, которой Запад обеспечивает стратегическую глубину, имея в виду в том числе поставки современных вооружений и боеприпасов, по своим последствиям равнозначен мировой войне.

Пока же Запад сам обесценивает ООН, поскольку, во-первых, отказывается договариваться с Россией и, во-вторых, продвигает тезис о «порядке, основанном на правилах», что отрицает миропорядок с центральной ролью Организации. Отношение к этой теме имеет и то, что Минские соглашения 2015 г. были одобрены Советом Безопасности, а западные столицы затем заявили, что вовсе не намеревались требовать их выполнения от Киева, – их реальной целью было выиграть время для перевооружения ВСУ, т.е. для их подготовки к «окончательному решению» вопроса Донбасса. Можно предположить, что в качестве критериев постоянного членства в СБ уже не будут иметь прежнего значения такие факторы, как принадлежность к Антигитлеровской коалиции и статус ядерной державы по Договору о нераспространении ядерного оружия. Куда важнее окажутся факторы культурно-цивилизационного порядка, желание и способность играть позитивную роль в общих делах человечества.

Не исключено, что с Западом, если он продолжит претендовать на доминирование, будет трудно договориться. Тогда предстоит работа в уже сложившихся форматах, включая БРИКС и ШОС, а также «Группу двадцати», если и её деятельность западные столицы не пустят под откос. Ведь проблемы глобального значения не ждут и требуют коллективных усилий по их решению – они должны прежде всего учитывать интересы большинства членов мирового сообщества.

9. Постукраинское будущее Европы: постлиберализм и популизм

В обозримой перспективе Европа будет в состоянии замещать российские энергоресурсы из других источников, включая сланцевую нефть и газ из США, пока там продолжается Сланцевая революция, которая переживает непростые времена и, возможно, клонится к закату. Лишь немногие европейские государства имеют стремление осуществлять комплексное и сбалансированное развитие военного потенциала и, соответственно, своего ВПК, что вряд ли станет реальным источником экономического роста даже в среднесрочной перспективе. К ним относятся такие страны, как Франция, Великобритания и Турция. При этом, пожалуй, лишь Франция обладает как амбициями, так и реальными возможностями осуществлять комплексное развитие оборонного потенциала с опорой на собственные силы.

Наработанный за послевоенный период ресурс сохранения социального государства в Европе будет близок к исчерпанию уже в среднесрочной перспективе, в том числе под давлением миграционного фактора. Будет происходить поляризация настроений в рамках европейского общества.

В ближайшей перспективе будет продолжаться стратегическое сближение Евросоюза и НАТО и расширение вовлечённости Евросоюза в вопросы безопасности, обороны и развития военно-промышленного комплекса. Эта тенденция будет сопровождаться дальнейшим снижением европейской автономности в вопросах обороны и безопасности от НАТО и США (тем более, что по Римскому договору 1957 г., они отдаются ЕС на аутсорсинг НАТО).

Внутри Евросоюза наблюдается рост противоречий между ориентирующимися на США и агрессивно настроенными в отношении России странами Восточной Европы с одной стороны и более сдержанными странами Западной Европы с другой стороны. Лидером первых по совокупному потенциалу является Польша, хотя страны Прибалтики стремятся получить

непропорциональное их реальному весу право голоса. Свою позицию наряду с Венгрией и Словакией может занять Австрия. Во второй группе наибольшее значение имеют, бесспорно, Франция и Германия, отношения между которыми могут стать более равновесными в силу того ущерба, который будет нанесен германской промышленности в связи с нынешним кризисом в отношениях между Россией и Западом. Более того, Франция может выступать в духе голлистской традиции - с более независимых по отношению к «американскому лидерству» позиций. В любом случае состояние Евросоюза, как и НАТО (эта взаимозависимость двух структур ударит бумерангом по ЕС), будет определяться исходом СВО и его геополитическими последствиями для Запада.

Евросоюз перестанет быть «Четвертым (экономическим) рейхом» Германии, что может иметь далеко идущие позитивные и негативные последствия для будущего Евросоюза. Нельзя исключать его демонтажа до общего рынка и валютной зоны уже в среднесрочной перспективе, в том числе потому, что у Берлина будут отсутствовать финансовые и иные ресурсы для поддержания европейского интеграционного проекта на достигнутом уровне. «Наследство» ЕС (и США) будут делить Франция, Великобритания и Германия, которая сосредоточится на Восточной Европе.

В ЕС наблюдается идейный кризис относительно того, куда двигаться дальше. Отказ от федералистского трека развития евроинтеграции в ходе провала референдумов о принятии Евроконституции во Франции и Нидерландах в середине 2000-х гг. за прошедшие двадцать лет не сопровождался поиском реальных альтернатив. Отсутствие эффективных каналов коммуникации между элитами и населением в условиях кризиса демократических институтов и неподотчетность европейских институтов избирателям повышают скептицизм населения относительно перспектив европейского интеграционного проекта.

К 2030 году может сформироваться модель «сожительства» разноскоростной Европы с ее ядром и периферией. Возросшая степень

децентрализации и фрагментарности ЕС позволит сочетать различные социально-экономические, политические и миграционные модели при сохранении основных достижений евроинтеграционного проекта. Данный «мягкий» вариант развития процессов в объединённой Европе представляется маловероятным в силу кардинальных перемен в геополитической ситуации и назревшей трансформации самого европейского общества. Этот, по существу, *business as usual* вряд ли сохранится в среднесрочной перспективе, начиная с американских выборов 2024 года и серии следующих выборов в ведущих странах ЕС.

Обрушение германо-российских отношений и политика «смены эпох» в Германии, по-видимому, необратимы. Основные вызовы Германии, помимо политико-психологических и мироощущенческих, будут лежать в сфере промышленности, энергетики и технологий. Стратегическая задача Берлина - перестроить экономику и государственное управление в изменившихся условиях, найти инструменты и источники для увеличения достаточно скромных прогнозируемых темпов роста ВВП.

Сходные процессы, вызванные необходимостью оказаться лицом к лицу с собственной историей, будут происходить и в остальных европейских странах в связи с крахом атлантизма, ресурс которого целиком зависел от состояния США. Различаться будут только исторические нарративы и те пункты исторического прошлого, к которым будут апеллировать нынешнее и новые поколения правящих элит. Так, применительно к Франции будут иметь последствия попытки англосаксов в конце Второй мировой поставить ее под свой контроль, используя «перекрасившихся» вишистов, чего не допустил де Голль. Очевидно, что эти попытки возобновились в последние 30 лет.

Проблематика популизма, то есть антисистемных сил и протестных настроений, будет нарастать в "старой Европе" уже в ближайшей перспективе. Можно предположить, что эту политическую динамику сейчас сдерживает внешний фактор, а именно дисциплинирующее воздействие на союзников Вашингтона: сейчас, перед лицом "российской угрозы", не время "раскачивать

лодку". Об этом позволяет судить, в частности, заметный сдвиг в сторону центра правительства Дж.Мелони в Италии, причем явно вразрез с ее предвыборными обещаниями, что загоняет болезнь вглубь и увеличивает издержки неизбежной трансформации. Последняя обусловлена неспособностью решения элитами наиболее острых проблем внутреннего развития в сложившейся системе координат - институционально-правовых и партийно-политических. После завершения СВО и комплексного урегулирования в Европе по итогам Украинского конфликта можно ожидать большего пространства свободы для креативных внутренних решений в ведущих странах ЕС. И тут Италия еще может сыграть роль "лаборатории Европы". По крайней мере, протестный электорат там растет и укрепляется после выборов в сентябре 2022 года.

Речь может идти о прямой демократии и введении сильной президентской власти, разумеется, с последствиями для будущего европроекта. Образцом может служить приход к власти де Голля на волне алжирского кризиса в 1958 году. Вопрос только в том, найдутся ли в усредненной политике дрейфа на всех направлениях фигуры подобного калибра, готовые решительно "рвать с прошлым". Впрочем, именно англосаксы первыми пошли по этому пути, если иметь в виду 2016 год - Брекзит и приход в Белый дом Трампа. В конце концов, они - хозяева глобальной империи Запада и им решать, как распорядиться ее судьбой. Собственно, это уже происходит в контексте украинской авантюры администрации Байдена, когда издержки коллективной западной политики непомерно несут страны ЕС.

Послевоенные границы Польши, а значит, и Германии, но также Литвы, да и всех прибалтийских стран, равно как и Финляндии, также могут «провиснуть» без их переподтверждения в новых исторических и геополитических условиях, что может быть стимулом для этих стран принять участие в европейской мирной конференции, призванной подвести итоги Холодной войны, поскольку такого урегулирования не состоялось, хотя

западные столицы на него не перестают ссылаться, и сделать выводы из изменения в балансе сил в регионе по завершении СВО.

Нельзя преувеличивать военно-политический вес Лондона. Страна находится в сложном социально-экономическом положении, включая иммиграционный фактор, и скорее симулирует свою принадлежность к ведущим державам мира, что возможно как раз на фоне нынешней напряженности в отношениях между Россией и Западом. С ее спадом Великобритании, истеблишмент которой оттягивал, сколько мог, «сверку с реальностью» своего постимперского существования, следует ожидать физического «сдутия» своего влияния в европейской (в том числе североевропейской), глобальной и иной политике. Вместе с тем, не стоит сбрасывать со счетов влияние Лондонского Сити и некоторых других инструментов британского влияния, которые могут «заиграть» с развалом ЕС и «уходом» США из Европы, что «пересдаст карты» в европейской политике.

10. Постсоветское пространство: «спойлерство» Запада

Постсоветское пространство будет испытывать на себе политику своеобразного «спойлерства» со стороны западных столиц. При полной неспособности решать проблемы и способствовать урегулированию конфликтов в этих странах Запад будет стремиться срывать соответствующие усилия России или подрывать доверие к ним, а также к интеграционным процессам с российским участием. Яркие примеры дает западная политика в отношении Армении и проблематики Нагорного Карабаха. В плане пределов возможного для такой политики Запада показательна ситуация в Грузии, где извлекли уроки из опыта правления М.Саакашвили и не желают открывать «второй фронт» в войне Запада с Россией.

С другой стороны, налицо реальная способность Москвы эффективно действовать на данном поле, что продемонстрировала миссия ОДКБ в январе 2022 года по предотвращению дестабилизации Казахстана. Очевидно также, что ситуацию на постсоветском пространстве прояснит исход СВО на Украине. Существенно и то, что кризис западного общества и самого либерализма разрушает реперные точки либеральной системы координат там, где она возникла. Запад, не ведая того, всех «отпускает на свободу» в идейно-ценностном отношении, включая модели развития.

11. Азиатско-Тихоокеанский регион: солнце встаёт на Востоке

Попытки США и Запада в целом перенести геополитическое соперничество в наиболее перспективный глобальный регион – Азиатско-Тихоокеанский – будет испытывать на прочность сложившиеся там связи и институты сотрудничества, включая интеграционные. В то же время, можно ожидать, что они выдержат это испытание и регион останется важнейшим оплотом мировой стабильности при сохранении им роли ключевого драйвера глобального экономического роста. Попытки создать здесь систему сдерживания Китая уже дают серьезные сбои, тем более что их успех будет целиком зависеть от способности США сохранить доверие к своим ресурсам проецирования силы в данном регионе. Сложности при проведении такой политики будут как с Европейским союзом, который не может себе позволить рвать отношения экономической взаимозависимости с Китаем, тем более использовать ее как оружие (к чему продолжают, хотя все более глухо, призывать США), так и с американскими союзниками в регионе – Японией, Южной Кореей и Австралией (первые две также не могут рисковать своими отношениями экономической взаимозависимости с Пекином и на примере Австралии, поспешившей сделать выбор между собственными экономическими интересами и политической лояльностью Америки, могут судить о последствиях столь неосмотрительного курса в фарватере политики Вашингтона). Вполне может случиться так, что Китай сохранит свои позиции в регионе, сложившиеся под эгидой США форматы сотрудничества в области безопасности, такие как QUAD и AUKUS, окажутся мертворожденными в силу разрыва между реальным потенциалом и намерениями Вашингтона продвигать их до уровня, сопоставимого с начальным периодом Холодной войны.

Скажется не только геополитическое поражение США на Украине, но и императив вовлеченности в региональную политику на Ближнем Востоке. Важнейшие последствия будет иметь демонстрация неспособности вести

боевые действия с применением обычных вооружений в масштабах, которые потребует возможная силовая операция Пекина в Тайваньском проливе (если общий подрыв доверия к политике Вашингтона в мире не спровоцирует воссоединение острова с Китаем мирными средствами). Как и в других регионах мира, ключевую роль в развитии геополитических событий будет играть фактор времени: по крайней мере, пока на экспертном уровне широко признается неспособность Вашингтона восстановить свой военный потенциал общего назначения в сжатые сроки (в последние 30 лет, как оказалось, во многом утеряна промышленная база соответствующих секторов американского ВПК).

12. Будущий миропорядок: вперед к исторической норме через тернии антиутопий?

Заслуживают внимания такие выводы и прогнозы Валдайского клуба, как развитие тренда эрозии любых иерархических построений в системе международных отношений при параллельной ресуверенизации государств, реагирующих на западное унификаторство акцентированием своей идентичности и самобытности. Что касается последнего, исключения не составляет и Россия: в Концепции внешней политике России от 31 марта 2023 года впервые на уровне документа государственного стратегического планирования страна определена как «самобытное государство-цивилизация». О важности вопросов истории, идентичности и веры западные политологи и политики (в их числе М.Олбрайт) начали писать еще в середине нулевых годов - в разгар провального президентства Дж.Буша-мл. Тогда же начало приходить осознание необходимости расширения Запада, в том числе за счет интеграции России и Турции - двух евроазиатских государств, для придания ему большей «жизнеспособности» в условиях «глобального политического пробуждения» (Зб.Бжезинский).

США, однако, продолжают действовать как классическая держава статус-кво, продвигая тезис о некоем «порядке, основанном на правилах» в обход сложившегося послевоенного международного правопорядка, основанного на понятном международном праве, что делает иерархию еще более жесткой. Именно это и служит причиной нынешних противоборств, позволяющих говорить о новом варианте Холодной войны. Ее исход возможен не в формате «сделки» (или «большой сделки», как это определяется в американской политологии: в современных условиях такое урегулирование за спиной собственного электората и мирового сообщества попросту нереалистично) или «мирного конгресса» победителей, а «в ходе естественного процесса взаимодействия государств и нахождения приемлемых для всех государств вариантов международного устройства», то

есть без победителей и побежденных - идеал «мира без победителей», который не был реализован в Первую мировую войну в силу предрассудков элит, взаимной демонизации сторон и императива возложить ответственность за эту бойню, развязанную вроде как цивилизованной Европой, на побежденного.

На политико-дипломатическое урегулирование будет работать и рассредоточение факторов силы/мощи, в том числе ресурсной и технологической, в более широком кругу ведущих государств. При всем том, что идея многополярности отсылает к иерархическим моделям миропорядка, она, по мнению авторитетных экспертов в области международных отношений (Ганс Моргентау, Раймон Арон и др.), является стабильной и исторической нормой, в нынешних условиях еще и асинхронной. Из этого можно заключить, что сам американский тезис о «ревизионистских державах», покушающихся на глобальную гегемонию США, антиисторичен и возводит в правило то, что является аберрацией, будь то биполярная конфронтация или «однополярный момент». Регионализация глобальной политики и ее воссоздание снизу будут отражать многоуровневый баланс сил и интересов, что будет служить гарантией от диктата глобального «концерта держав». Демократизации международных отношений будут способствовать невозможность проведения секретной дипломатии в современных условиях и необходимость реальной вовлеченности всех государств в поиск решений глобальных проблем, представленных новыми вызовами и угрозами, являющимися трансграничными по своей природе. В том же направлении будут действовать такие принципы, как неделимость безопасности и мирное сосуществование, предполагающее равенство ценностных систем и моделей развития, которые являются продуктами различных культур и цивилизаций и укоренены в истории.

Грей считает, что государство должно быть превращено в средство мирного сосуществования внутри общества и вовне. «Вера в то, что одна форма правления подходит для всех, является разновидностью тирании». И если в истории действует эволюционный процесс, то нет оснований полагать,

что он отдает предпочтение Западу. Преобладать будут те режимы, которые лучше других адаптируются к «произвольному ходу истории». Не наиболее производительные, а те, которые наилучшим образом используют шансы, предоставленные случаем, - они и будут наиболее жизнеспособными.

Применительно к теме Истории/конца истории, включая тезисы о «новом Средневековье» и «неофеодализме», имеют значение суждения Жана Бодрийяра (в его эссе «Некроспектива» в сборнике «Прозрачность зла» 1990 г.) о феномене переписывания на Западе после окончания Холодной войны истории всего XX века: «пересмотре всей Истории, ... быть может, в тайной надежде в новом тысячелетии начать все с нуля». Звучит актуально в свете борьбы западных элит с историей, в том числе как источником национальной идентичности. В заключение Бодрийяр предполагает, что История «в конце концов будет удаляться от своего конечного значения в противоположном направлении». А.И.Фурсов (в книге «Наше «время Босха»») пишет о наступлении апокалиптического «времени Босха», которое в позднем Средневековье и раннем Новом времени привело к генезису капитализма, притом что «финал зеркален генезису».

Посткапитализм может иметь все признаки предсказанного постмодернистами концлагеря - скорее всего, «электронно-медицинского». Противостояние такой перспективе может послужить одной из мотиваций самоорганизации и сплочения Мирового большинства, равно как и основанием для его «смычки» с частью западного электората, укорененной в своих странах, истории и традиционных ценностях. И если мир подошёл к идее посткапиталистической проектности, то это не может не открывать простора для исторического творчества России и других ведущих незападных стран.

Москва, май 2024 года